

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

НА КРАЮ БЕЗДНЫ

Бремя империи

Александр Афанасьев

На краю бездны

«ЭКСМО»

2012

Афанасьев А. Н.

На краю бездны / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2012 — (Бремя империи)

В результате двойной игры, которую затеял шеф британской разведки Джеффри Ровен, могли погибнуть миллионы. Но финал ее для старого лиса стал совершенно неожиданным и трагичным. Именно Англия поддерживала безудержный фанатизм исламских экстремистов, стремящихся к созданию всемирного Халифата и заливших кровью врагов Персию. Подстрекаемая британцами, полыхнула пожаром мятежа Польша. К счастью, в этом мире, где Россия была крупнейшей и могущественнейшей державой, нашлись здравомыслящие люди по обе стороны океана. Князь Александр Воронцов – давний противник британских секретных служб, – рискуя жизнью, предотвращает атомный апокалипсис в САСШ, целью которого было вовлечение Штатов в губительную войну с Российской империей.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Александр Афанасьев

На краю бездны

*Если что-то страшно – иди этому навстречу,
Тогда не так страшно.*

А. В. Колчак

11 августа 2002 года

Российская Империя, Казань.

Казанский кремль

Кремль, крепость в центре города, его административный и политический центр, был в каждом городе России, построенном в Средние века или даже ранее. Где-то, как, например, в Новгороде, кремль был архитектурной достопримечательностью, объектом для привлечения туристов в город и не более того. Где-то, как в Москве, в Кремле жил губернатор какой-то области необъятной Империи. Особое место занимал Казанский кремль, кремль города, который по возрасту старше, чем Москва и Санкт-Петербург, который не является столичным, но занимает законное место в числе самых развитых и экономически значимых городов Империи. Города, в котором одновременно находятся штаб-квартиры компаний, контролирующих нефть Востока и значительную часть исламского финансового капитала страны, который известен тем, что входит в проекты не за проценты, а за долю в бизнесе, и поэтому на нем держится половина российских инновационных разработок. Город, единственный в мире, где пересекаются две ветки стратегической железной дороги, ведущие с севера на юг и с запада на восток, – это пересечение обслуживал железнодорожный терминал под Казанью, столь огромный, что он сам был маленьким городом. В Казанском кремле располагался не только дом генерал-губернатора, но и резиденция мусульманского духовного управления, духовно окормляющего шестьдесят процентов населения страны¹. Казанский кремль был единственным, не считая Московского, который служил средоточием власти. И символом его были не только белые стены, высящиеся на крутом берегу, но и огромная мечеть с четырьмя минаретами, горделиво возвышающимися над Казанью и по вечерам подсвечиваемыми снизу прожекторами. Пять раз в день правоверные собирались здесь на намаз, повинувшись зову азанчи.

Ближе к вечеру над Казанским кремлем, где имелась вертолетная площадка, завис вертолет. Это был обычный армейский тяжелый вертолет Сикорского, не машина особой авиаэскадрильи, а вертолет, принадлежащий шестьдесят шестой лейб-гвардии десантно-штурмовой дивизии. По вполне понятным причинам все самолеты и вертолеты Особой авиаэскадрильи были поставлены на прикол, а Цесаревич, теперь уже император Николай Третий, правда, еще не прошедший обряд помазания на царство, но уже принявший присягу гвардейских полков, пользовался вертолетом, приписанным к той дивизии, в которой он служил. По этой же причине его сейчас охраняли ее десантники. Уже три дня в стране действовал режим чрезвычайного положения.

Опытный летчик ювелирно посадил машину на площадку, предназначенную для вертолетов, в полтора раза меньших по размеру, первыми из вертолета высыпали несколько десантников, организовав охраняемый периметр. Уже было известно о том, что исламские экстремисты после последних событий приговорили Августейшую семью к смерти, и рисковать никто не хотел, даже здесь. Императрица, которая была на поздних сроках беременности и у которой случилась истерика, сидела безвылазно в Екатеринбурге, куда была тайно перевезена из Царского Села, считавшегося уязвимой мишенью для террористов. Само Царское Село, помимо

---

¹ В РИ мусульман было больше, чем православных, разрыв этот понемногу, но увеличивался.

обычной охраны, охранял десантный полк. Все спецслужбы отработывали ранее не встречавшуюся в реальности ситуацию «Атом» – возможное террористическое нападение с применением ядерного оружия. К двум болевым точкам на карте Империи – югу (Персия) и западу (Польша) стягивались все новые части, они стояли не в городах, как обычно, а рассредоточившись на местности и принимая все меры к тому, чтобы снизить ущерб от возможного ядерного удара. В стране был объявлен семидневный траур по убитым в Берндер-Аббасе и на Каспийском фронте.

Когда десантники обеспечили периметр, из вертолета вышел и сам Николай, сильно осунувшийся, с нездоровым блеском в глазах. За последнее время он спал урывками, проводил совещание за совещанием, встречался с людьми. Мало кто знал, что он лично побывал в Басре, прилетев туда на несколько часов – ближе к месту трагедии его не подпустила охрана, даже эта поездка была предпринята вопреки категорическим возражениям военных.

– Оставайтесь здесь, – сказал он вышедшим следом десантникам, каждый из которых был вооружен автоматом и получил приказ не отходить от Государя дальше чем на пять метров. Десантники отрицательно качнули головой – они имели приказ, и отменить его не мог сам Государь.

Устало махнув рукой, Государь пошел навстречу маленькой группе встречающих его священнослужителей.

Встреча состоялась в небольшой, причудливо для русского человека обставленной комнате, в одном из крыльев Казанского кремля. В комнате не было ни одного предмета мебели – только ковры и накрытый дастархан. Дастархан накрыли, не спрашивая Государя – он был гостем, а по местным традициям гостя следовало накормить, прежде чем приступить к делам, – и отказ преломить хлеб принимался здесь за оскорбление.

Государь служил на Востоке – поэтому хоть и с трудом, но сумел расположиться перед дастарханом с должным удобством, так, чтобы не затекали и не болели ноги – непривычному человеку сделать это невозможно. Напротив него сидел среднего роста старик с длинной, седой бородой и черными, блестящими, как маслины, глазами. Несмотря на то что этот человек был стар, ни в его облике, ни в его поведении не было заметно ни единого признака увядания, в свои восемьдесят с лишним старик был бодр и деятелен. В жестах и взгляде проскальзывала властность и непререкаемость – это и неудивительно, старик был кади, судьей и входил в состав Совета Судей, в который входили известные и уважаемые всеми шариатские правоведы из Мекки, Медины, Багдада, Абу-Даби и Казани. Совет Судей был одним из высших органов уммы – мусульманской общины, он имел право судить правоверных и поступки их по нормам шариата, а решение его было прецедентом для нижестоящих кади. Каждый из кади был правоведом и специалистом по шариату, по меньшей мере, с тридцатилетней практикой. Этот старик был кади сорок с лишним лет и знал еще Александра Четвертого Великого.

Первым делом подали чай, молоко и хлеб, старик знал, что русские не едят пищу всухую, и поэтому приказал подать чай к традиционной лепешке. Лепешку преломили натрое (один из десантников был в комнате и как гость имел право на свою часть лепешки) и съели, запив очень крепким, почти дегтярной черноты чаем. Потом старик жестом приказал подавать плов – он не знал о вкусах гостя, но долг гостеприимства требовал накормить его досыта, и потому на стол подали самое распространенное и популярное блюдо.

После того как плов съели – его брали руками из общего блюда в полном молчании, – снова принесли чай и сладости. Чай Государь выпил – при его усталости глоток чая был совсем не лишним, – а от сладостей отказался, сопроводив отказ традиционным поклоном, извиняясь и благодаря за еду. Старик поклонился в ответ.

– Мне сказали, что во всей Империи нет человека более сведущего в вопросах веры, вот почему я хочу обратиться к вам за советами и разъяснением, Айрат-хаджи... – перешел к делу Государь.

– Люди, которые сказали тебе это, весьма польстили мне, – заметил старик, обращаясь к Государю на «ты» по праву старшего по возрасту. – В сущности, я не более чем скромный ученик на пиру великих мудрецов, да простит мне Аллах. Но долг заставляет меня ответить любому человеку, который обратился ко мне за разъяснениями по вопросам веры, и потому я возьму на себя смелость сказать тебе то, что знаю сам. Пусть сам Аллах будет свидетелем сказанному.

– Благодарю, Айрат-хаджи². Вам известно то, что произошло и продолжает происходить в Персии?

– Известно, и сердце мое переполняется скорбью и горечью, оттого что нашлись люди, которые оболестили правоверных лживыми речами и бросили умму навстречу гибели. Аллах жестоко покарает этих людей, которые уверяют правоверных, что действуют от его имени, но на самом деле они безбожники и действуют по воле самого шайтана. Горе, горе всем нам, если Аллах не остановит этих людей в их безумии.

– Но кто эти люди, Айрат-хаджи? Откуда они взялись, и по чьей воле они действуют? Что от них ждать дальше? Я ничего не знаю об этом, я слеп и поэтому вынужден прибегать к помощи сведущих людей, чтобы предотвратить новую, возможно еще более страшную трагедию.

– О том, по чьей воле действуют эти люди, я уже сказал – руку этих людей направляет сам шайтан, довольно смеющийся и наблюдающий за совершаемыми по его воле страшными злодеяниями и за страданием миллионов людей. Что же касается того, откуда взялись эти люди... и чего от них ждать... у тебя есть терпение, достаточное, чтобы выслушать и понять?

– Увы, запасы моего терпения сильно истощились за последние дни, но полагаю, сегодня его хватит.

– Тогда вы должны знать, молодой человек, что эта страшная ересь – ересь, связанная с Махди, идет через века, и только один Всевышний знает, сколько злодеяний еще совершат фанатики и отступники на пути своем.

Старик посмотрел в глаза Его Величества и убедился, что тот его внимательно слушает.

– Как ты считаешь, почему все кади выступили с осуждением Махди и махдизма и в поддержку тебе признали самозванных халифов действующими не по воле Аллаха? – вдруг спросил старик, совершенно изменив тему разговора.

Для Государя вопрос был неожиданным.

– Полагаю, чтобы не множилось зло? – осторожно предположил он.

– И поэтому, но не только. Прежде чем я расскажу тебе про раскол, про ересь и про исмаилитов, я бы хотел предостеречь тебя от ошибок, как я предостерег в свое время еще отца твоего, да будет рай ему наградой за праведный путь его, пусть он и не был правоверным. Это было давно, очень давно, но твой отец прислушался к наставлениям, когда посетил нас здесь, и наставления эти, полагаю, были в пользу и ему, и всей умме. Потому-то мы и считаем власть – праведной.

Старик отхлебнул чая, прежде чем продолжить.

– Когда ты будешь занимать престол... к тебе придут люди и скажут, что им недостаточно свободы. Сначала это будет проявляться в мелочах, но потом – если ты уступишь первый раз – они придут и попросят еще свободы, а потом еще и еще. В сущности, в самой свободе нет ничего плохого, и каждый человек должен быть в определенной степени свободен. Но опасайся излишней свободы, потому что она ведет к анархии, и прежде чем покуситься своей рукой на установления твоего отца, деда и прадеда, подумай не семь, а семь раз по семь, к чему это все может привести. Свобода – это как задвижка в оросительном канале, если ее открыть слиш-

---

² Обращение «хаджи» свидетельствует о том, что этот человек совершил хадж в Мекку.

ком широко, то вода иссякнет, а местность, ранее бывшая прекрасным садом, превратится в мерзкое и зловонное болото.

Эти люди прежде всего попросят у тебя свободы говорить и проповедовать, но опасайся этого, потому что многие из них будут говорить и проповедовать ереси и зло, отбивая людей от уммы точно так же, как волки отбивают от стада барана, чтобы зарезать его. Излишняя свобода приводит к греху.

Старик помолчал, прежде чем продолжить.

– Не далее как вчера я выпорол розгами своего правнука, потому что он принес в дом сигареты и солгал, когда я спросил, где он их взял. Пусть ему есть шестнадцать лет – но, принеся в дом сигареты и выкурив их, он совершил грех перед Аллахом, потому что в шариате существует хукм³ на курение сигарет. Выкурив сигарету, он думал, что свободен, но никто из нас не свободен от Аллаха. Шариат запрещает сознательно причинять вред себе и другим людям, а выкурив сигарету, мой правнук, несомненно, причинил себе этим вред. Кроме розг, он в наказание держал пост в течение двух дней, чтобы очиститься от запретного и примириться с Аллахом. В Казани есть поговорка: «Москва умная, Питер властный, Казань сильная»⁴. Если ты пройдешь по городу, то заметишь, что здесь нигде не продают спиртного и прочих хмельных напитков и открыто не продают сигарет, чтобы люди не причиняли себе вред. Так вот, когда к тебе придут люди требовать свободы – они будут требовать свободы причинять вред себе и другим людям.

Молодой Государь кивнул головой.

– Я вас понял, Айрат-хаджи.

– Хорошо. А теперь вернемся к исмаилитам, потому что за тем, что происходит на Востоке, стоят, несомненно, они. Я не сомневаюсь в том, что они получили помощь от других злоумышляющих, чтобы совершить то, что они совершили. Но да помилует Аллах тех, кто оказал им помощь, потому что исмаилиты исповедуют принцип такия, который позволяет им лгать, не испытывая стыда. Чтобы получить нусру, помощь, они, несомненно, солгали тем, у кого они надеялись ее получить и получили. Свои обещания они не выполняют, и более того – если они победят нас, то следующими будут те, кто в глупости своей оказал им помощь.

Старик снова отхлебнул из чашки, которую ему наполнили из старинного медного чайника с длинным носиком, равно как и всем другим, находящимся в этой комнате.

– Так вот, чтобы понять, кто такие исмаилиты, следует обратиться еще к тем временам, когда был жив сам Посланник Аллаха, саллаху алейхи уассалам. В его жизни он смог объединить под своей рукой самых разных людей, самые разные племена и направить их и их оружие на благие и угодные Аллаху дела. История говорит, что он взял себе девять жен, хотя это были исключительно династические браки и всю жизнь он любил только Фатиму. Когда же Аллах забрал своего Посланника к себе, между его последователями разразилась постыдная распря.

Пророк Мухаммед, да пребудет он по правую руку от Аллаха, который был хатим ан-альбия, печатью пророков, не мог иметь в качестве преемника другого пророка. Однако умме был нужен кто-то, кто бы возглавил ее на тех или иных правах и продолжил святое дело. Получилось так, что группа предводителей правоверных избрала Абу Бакра преемником посланника Бога – так это называлось. В переводе на арабский это звучит как «халифат расул Аллах», поэтому государство стало называться халифат – дословно «преемничество», а его главу стали называть халифом, точно так же, как ты являешься наследным монархом. Три последующих халифа – Абу Бакр, Омар и Осман принадлежали к одному и тому же племени курайш, которое присоединилось к Посланнику Аллаха, но не было с ним в кровном родстве.

---

³ Запрет, высказанный авторитетным религиозным деятелем и обоснованный толкованием норм шариата.

⁴ Подобная поговорка и в самом деле существует.

Раскол случился во время выборов четвертого халифа – им стал Али Аби Талиб, который принадлежал не просто к племени курайш, а к клану Бану Хашим, из которого происходил и сам Посланник Аллаха, он был двоюродным братом Посланника Аллаха и мужем его дочери Фатимы. Однако он не пользовался поддержкой большинства правоверных, которые просто проигнорировали его назначение. Его же сторонники образовали партию Али, если перевести это на арабский – это будет звучать как «шият Али». Эти люди говорили, что наследование халифата может вестись только по прямой восходящей линии родства Посланника Аллаха среди членов семьи Пророка «ахл-ал-байт», хотя сам Посланник Аллаха никогда не претендовал на то, чтобы утвердить свою власть как монархическую. Так возникла особая ветвь ислама – шиизм.

В свою очередь, большинство в умме, считающее, что наследовать должен прежде всего достойный, не только из семьи Посланника Аллаха, но и из семей его верных последователей, объединились вокруг Муавии Аби Суфйана, который был опытен в государственных делах и авторитетен. Он не развязывал гражданскую войну и губительный раскол в умме, это сделали оставшиеся в меньшинстве шииты, доказывающие права своего ставленника на халифат. Продолжительное и постыдное противостояние, когда, вопреки изложенному в Великой Книге запрету, правоверные гибли от рук правоверных, привело к тому, что появилось третье толкование Воли Всевышнего в вопросе наследования халифата – их называли хариджиты, и они полагали, что любой достойный и уважаемый мусульманин, вне зависимости от родства с Посланником Аллаха, мог стать халифом. Закончилось это противостояние жестоким убийством Али.

На шестьдесят шестой год хиджры в Куфе последовало восстание аль Мухтара, впоследствии подавленное. Он предпринял выступление от имени третьего сына Али, единственного, который к тому времени оставался в живых, Ибн-аль-Ханафии, которому к фамилии впервые была дана приставка Махди, и он был провозглашен восставшими единственным законным имамом, способным восстановить справедливость на земле и избавить угнетенных от тирании. Однако это привело лишь к новому расколу в умме и потере части завоеванных ранее позиций. В те же самые времена шииты выработали понятие «имам» – покровитель и единственный правитель правоверных, единственный, кто может толковать Коран и шариат и его смысл. А при имаме Ас-Садике (правдивый) шииты окончательно установили свою концепцию, включающую в себя теологическую концепцию имама, который являлся худжат Аллах, представителем Аллаха на земле, подлинным имамом времени, подчинение которому стало обязанностью всех правоверных. Имам мог и не править, то есть не быть халифом, но он обязательно должен быть из Алидов, потомков убитого народом Али. Таким образом, халифат был отделен от имамата, а имам освобождался от неперенной обязанности претендовать на трон халифа.

Старик хитро взглянул на Императора, сидящего напротив.

– Понимаешь что-нибудь?

– Пока нет, Айрат-хаджи.

– Сейчас поймешь. У Ас-Садика был дядя, некий Заид. Когда разрабатывались эти концепции, по сути примиренческие, он выступил против них, публично провозгласил необходимость в справедливом имаме на троне и вменил общине в обязанность смещение несправедливого правителя, возможно и вооруженное. Заидиты – последователи Заида, а на его сторону встали тогда многие, создали два государства, одно – в йеменском королевстве, второе называлось Дайлам и располагалось в прикаспийских провинциях, примерно там, где находится сейчас Тегеран.

Позже, после смерти Ас-Садика, в общине шиитов снова произошел раскол, часть встала на сторону старшего сына, Ас-Садика Исмаила, провозглашавшего позиции, близкие к позициям Абу-Хаттаба, а тот, в свою очередь, был близок к заидитам. Так сформировалось движе-

ние последователей Исмаила – исмаилиты, которые, по моему убеждению, и стоят за происходящим на Востоке.

Старик перевел дух, прежде чем снова начать говорить.

– Исмаилиты виновны во множестве вопиющих злодеяний, имевших место уже в те времена. Так, в триста семнадцатом году Хиджры объявившийся из числа исмаилитов человек, называющий себя персидским Махди, прославился тем, что грабил направлявшихся в Мекку для совершения святого хаджа паломников. Выступив во время хаджа, он захватил Мекку, ограбил и перебил многих, после чего осмелился выломать Черный Камень ал-хаджар ал-асвад из стен Каабы и увез его с собой в Ахсу, откуда он вернул его за огромное вознаграждение золотом. Он объявил грехом шариат и все виды богослужения, а также подверг поруганию всех имамов и пророков. Можно ли было придумать что-либо страшнее этого? И ведь история повторяется.

Когда произошло то, что произошло, Совет Судей поручил мне, как человеку сведущему и беспристрастному, разобраться в происходящем, дабы можно было вынести свое суждение. В течение нескольких дней я читал книги и разговаривал с правоведами, которым волею Аллаха удалось спастись. В этой истории много символов, и символы эти вопиют о большой беде. Прежде всего – это сам таинственный Махди, человек, которого видели лишь избранные, и те, кого он допустил к себе – все они оказались не праведниками, но проливающими кровь ашрамами. Этот человек и поныне находится в дар аль-хиджра, тайном убежище, известном лишь избранным, и называет свое нахождение там сокрытием. В самом Тегеране зверствует, проливая кровь неверных и правоведа, не делая никакой разницы, высший совет, который исполняет роль халифа. Сам же Махди, по-видимому, претендует на роль имама и пользуется тем, что может находиться в сокрытии. Возможно, когда земля Персии и другие земли будут залиты кровью настолько, что не останется, куда поставить ногу, он выйдет из сокрытия и провозгласит свой имамат, соединив в себе роль халифа и имама, и возможно, он даже покарает тех, кто проливал кровь. Его правление и станет последними днями, как в это верят шииты. Последними днями.

– Но кто этот Махди? Вы можете хотя бы предположить, ведь этот человек не мог появиться ниоткуда?!

– Увы, могу. Никто не может прийти и объявить себя Махди, не имея на то права – он должен совершить нечто, способное заставить всех поверить в то, что он является худжатом Аллаха. Он должен, как минимум, происходить из Алидов, и это должно быть доказано для правоведа. Вы помните, как звали погибшего на трибуне шахиншаха?

– Его звали Мохаммед, Айрат-хаджи.

– А как звали его жену?

– Шахиня Сорейя, Айрат-хаджи.

– Нет, не эту. Первую, что подарила ему двух сыновей?

Государь попытался вспомнить и не смог.

– Увы, но в памяти моей нет ее имени, к моему стыду, Айрат-хаджи.

– А в моей есть. Ее звали Фатима, точно так же, как единственную любимую супругу Посланника Аллаха! Вот тебе и первый символ.

– Я по-прежнему ничего не понимаю, Айрат-хаджи.

– Печально. Что ж, тогда поговорим о втором символе. Ты помнишь о заидитах, о которых я тебе рассказывал? О потомках Заида, который ведет линию своего родства от Али, а следовательно, и от самого Пророка?

– Да, помню, Айрат-хаджи.

– Прекрасно. В свое время шахиншах Мохаммед, доказывая свое право на власть, потратил немало времени и сил на то, чтобы выяснить свою родословную. Ему важно было доказать собственную принадлежность к Алидам, потомкам Али, потому что в глазах шиитов это

давало ему несомненную легитимность его пребывания на троне. И он ее доказал. Он провел линию своего родства прямым от Ас-Садыка Исмаила, старшего сына Ас-Садыка и основателя исмаилизма. Тогда мы, осуждающие шиизм в целом и исмаилизм в частности за то, что они сделали в прошлом и продолжают делать сейчас, не придали этому факту большого значения, считая, что шахиншах Мохаммед просто пытается утвердиться на троне. Но последовавшие за этим события заставляют меня задуматься над тем, что шахиншах и впрямь мог быть исмаилитом и потомком Ас-Садыка. А это дает ему возможность и несомненное право быть главой, пиром ордена исмаилитов, тайной власти Востока, власти, принесшей немало горя и бед.

– Но даже если это и так, шахиншах Мохаммед погиб, Айрат-хаджи.

Старик наставительно поднял палец.

– Да, погиб! Сначала я не верил в это, но потом, размышляя и ища истину, я понял, что он и в самом деле погиб. Скорее всего. У него мог быть двойник, которого он подставил вместо себя на параде, но тогда события развивались бы по-другому. Видите ли, Ваше Величество, – старик впервые назвал Государя этим титулом, – у нас есть собственные источники информации, и немало правоверных, устращаясь того, чему они были свидетелями, и устращаясь харама и ширка, рассказывают нам о тайнах. Махди существует, более того – он в течение длительного времени находился на территории западного и северного Афганистана, тайно встречаясь там со своими приверженцами. К нему неоднократно привозили полковников и генералов сил безопасности шаха, и они клялись ему в верности...

Государь не спросил, почему Духовное управление не поделилось этими данными с МВД – такой вопрос был бы неуместным, глупым и оскорбительным для собеседника. Никто не обязан ничем делиться, и если МВД не имеет таких источников информации, какие имеет Духовное управление, то это проблема непрофессионализма МВД, а не Духовного управления.

– И не только. Знающие люди говорят, что Махди не раз демонстрировал чудеса, которые не под силу простым смертным, и тем самым вызывал у правоверных веру в себя. Они уверяли, что его не раз видели в двух местах одновременно.

– Айрат-хаджи, а вы не могли бы сказать, как ваши люди описывали Махди? Какова его внешность?

– Совершенно не похожа на шахиншаха. Его описывают как молодого человека, не старше тридцати, роста чуть выше среднего, совершенно неприметного и одетого в типичную для афганских пуштунов одежду – широкие штаны, рубаха, теплая безрукавка. Этот человек по возрасту не старше тебя. Но дело даже не в этом. По словам знающих людей, в последний раз Махди собрал у себя главных ашраров меньше месяца назад. О чем там говорили на этом нечестивом сборище – останется навсегда тайной, но, по крайней мере, один из ашраров вернулся с этого нечестивого собрания с немалым количеством золота, как будто его одарил им сам Иблис, довольный совершаемыми по его воле злодеяниями, пролитой на землю этими людьми кровью. А потом, за день до того, как гнев Аллаха поразил нечестивых правителей Афганистана, обоих в один и тот же день, он собрал своих сторонников и рассказал им о том, что произойдет. И он сказал им, что это не единственные жертвы, которые будут принесены на алтарь гнева Его, и что скоро умрет еще один тиран. Получается, что он знал о том, что произойдет, но сам он никак не мог организовать это, иначе его сторонники знали бы об этом. Он просто сказал, что это произойдет – и это будет сигналом ко всемирному джихаду. Он сказал это, чтобы люди поверили ему – и когда это произошло, люди убедились в том, что рука нечестивца направляется свыше. Рассказать ему о том, что произойдет, мог сам Махди, больше никому...

– Получается, сам Махди организовал эти убийства? – недоверчиво спросил Государь. – Но этого не может быть, ведь...

– Принц Акмаль, – коротко сказал старый кади, глядя в глаза Государю.

И Государь не отвел взгляда, хотя сделать это было невероятно сложно, тем более под взглядом кади, одного из верховных судей. Но молодой Государь прямо смотрел в глаза человеку, который был вдвое старше его и неизмеримо опытнее, ведь кади разбирают самые разные споры, и разбирать их они должны в строгом соответствии с шариатским законом. Молчаливое испытание это закончилось тем, что старый мусульманский законник... улыбнулся.

– Ты станешь хорошим правителем этого государства, – сказал он, – потому что веришь в то, что делаешь, даже если знаешь, что за сделанное кто-то осудит тебя. Это – хорошее качество, оно должно быть у истинного правителя, и люди с благодарностью вспомнят твоё правление, как сейчас они вспоминают с благодарностью правление твоего отца и деда. Аллах улыбнулся, когда ты взошел на трон, при каких бы обстоятельствах это ни случилось.

Государь кивнул, не зная, что сказать.

– Принц Акмаль – гореть ему в аду вечно – был приговорен к смерти фетвой. Это был преступник, каких с трудом выносит земля, и все правоверные знали это. Он лгал, воровал, убивал, прелюбодействовал, он торговал наркотиками, оправдывая это джихадом, трудно даже сосчитать все злодеяния, которые совершил он сам или вместе со своим братом. Хоть ты и не следовал фетве, когда отдал приказ уничтожить злодея, ты сделал благое дело, сохранив множество душ от всяческого харама. Ты правильно поступил и даже не думай мучиться угрызениями совести.

– Но откуда...

– Откуда я все знаю? Правоверные тоже смотрят телевизор, Ваше Величество, и в этом нет никакого греха, как бы нас ни пытались убедить в обратном те, кого мы называем гулат⁵. И никто не запрещал рабам Аллаха складывать в голове два и два, чтобы получить ответы на сокровенное тайной...

– Я не о том хотел спросить, Айрат-хаджи. Откуда вам стало известно все это, и точно ли, что было сказано именно про двух правителей Афганистана, которые погибнут, пораженные гневом Аллаха, а не про одного?

Кади нахмурился.

– Я не могу ответить на вопросы, отвечать на которые мне запрещает мой долг и опасение за судьбу других людей. Но сказанное я передал точно – ими было сказано, что именно оба правителя Афганистана – и нечестивый Гази-Шах, и не менее преступный брат его, принц Акмаль – будут поражены гневом Всевышнего, а потом начнется переворот.

Государь пытался осознать услышанное. Не складывалось. Пусть король Гази-Шах погиб при таинственных и до конца не выясненных обстоятельствах от рук фанатика, причем непонятно, как этот фанатик смог подобраться к королю и убить не только его, но и командующего британским экспедиционным корпусом в Афганистане. Пусть шахиншаха Мохаммеда убили либо собственные офицеры-заговорщики, либо фанатики-экстремисты, проникшие в армейские структуры. Но принц Акмаль погиб в результате бомбового удара, нанесенного по основным точкам Афганистана, где торговали наркотиками и рабами! Это планировал он сам... и...

И посол Российской Империи Воронцов. Именно он обратился с предложением о проведении операции, которая должна была уничтожить врагов шахиншаха на границе...

Но ведь именно он, лично он, развернул ее до масштабов, предполагающих нанесение удара даже по пакистанской территории! И знал об этом ограниченный круг лиц!

Так что же получается, среди этих лиц – предатель, агент Махди?

И выходит, что о последних минутах жизни самого шахиншаха и его сына, принца Хусейна, они знают только со слов одного человека, князя Воронцова!

Нет, быть такого не может. Слова князя можно проверить, опросив эвакуированный из посольства персонал, тут все очень легко проверяется... Да и не может князь Воронцов быть

---

⁵ Гулат – экстремисты, ед. число – гули.

предателем, просто не может. Это же Сашка, с которым они проводили лето в Одессе, с кем дрались лицом к лицу со шпаной и потом улепетывали от городских. Если предаст он, значит, все, значит, пошатнулось что-то фундаментальное, что-то, на чем стоит Государство Российское, и это не красивые слова, это истина. Люди такого происхождения и таких титулов не могут предавать, не могут играть в двойную игру, потому что, если они это делают, если они предают Родину и Престол, значит, государство, держава превратилась в колосс на глиняных ногах, и при первом серьезном ударе оно рухнет, разрушившись на тысячу частей. Если предает потомственный аристократ и князь крови – значит, общество и страна больны настолько, что уже не могут существовать так, как существовали раньше.

Но все равно – Сашку надо спросить и как можно быстрее, просто безотлагательно. Он может знать что-то, что позволит окончательно сложить картинку, понять, как могло произойти то, что произошло. И понять, как действовать дальше.

– Так кем же все-таки может быть Махди, Айрат-хаджи?

– А ты так этого не понял? Он может быть лишь тем, кто ведет свой род от Ас-Садыка и может предъявить доказательства тому. Он может быть лишь принцем крови и иерархом одного из тайных исламских орденов, иначе ему никто не поверит и за ним никто не пойдет. Скажи, как звали сыновей шахиншаха Хосейни?

– Одного звали Хусейн, старшего, второго... Мохаммед, кажется.

Старик наставительно поднял указательный палец.

– Вот тебе и третий символ, самый страшный. По преданиям шиитов, вышедшего из сокрытия Махди будут звать так же, как звали Посланника Аллаха. Какова судьба юношей, которых ты только что мне назвал?

– Один погиб при перевороте. Второй – в Санкт-Петербурге, учится в Академии Генерального штаба. Он никак не может быть там, где люди встречали Махди.

– Второго зовут Мохаммед?

– Да, Айрат-хаджи.

– На твоём месте я бы не был в этом так уверен. Шииты верят, что у сокрытого имама должны быть помощники. А коварство восточных правителей может обмануть кого угодно, но не меня. И тебя оно тоже обманывать не должно...

Государь окончательно понял, что хотел сказать ему старый кади. И ужаснулся.

– Могу ли я сделать что-либо для вас, Айрат-хаджи? Благодарность моя велика.

– Да, можешь. Огради людей от безумия, спаси, кого сможешь. Останови зло.

– Я сделаю все, что смогу.

– Тогда... Аллах с тобой. Пусть ты и неверный, кяффир, но делаешь праведное, и Аллах поможет тебе...

Уже из вертолета Государь дал команду задержать – обязательно живым – младшего принца Хосейни, учившегося в Академии Генерального штаба. В суете, в круговороте – так получилось, что никто и не вспомнил о нем, вначале хотели урегулировать кризис и только потом думать о преемственности власти. Но приказ был отдан и принят к исполнению слишком поздно...

11 августа 2002 года

Российская Империя, Санкт-Петербург

Суворовский проспект

Академия Генерального штаба

Занятий в Академии не было – обучение в Академии Генерального штаба происходило, как и в любых других учебных заведениях, с сентября по июнь, лето было отдано на практические работы по рекогносцировке местности и практику в воинских частях. Но Академия рабо-

тала – потому что преподавательский состав из тех, кто не ушел в отпуск, занимался делами, которые невозможно сделать во время учебного процесса: кто обновлял лекционный фонд⁶, кто готовился к защите степеней в библиотеке, кто-то и книгу писал, потому что среди преподавателей было немало выдающихся военных теоретиков. Конечно же, как и в любом другом военном учебном заведении, там был дежурный офицер.

Два экипажа Баварских моторных заводов пятой серии – их выпускали совсем близко, на заводе в Кенигсберге, и ими пользовалась СЕИВК (Собственная Его Императорского Величества Канцелярия), – с визгом затормозили около главного входа в здание, шесть человек выбежали из них и бросились в здание, то и дело переходя на бег, сопровождаемые недобрыми взглядами немногочисленных оказавшихся свидетелями этой сцены военных. Военные ненавидели и МВД, и СЕИВК и считали для себя низостью каким-либо образом сотрудничать с жандармами. Жандармам, впрочем, на это было совершенно наплевать.

– Где дежурный офицер?! – накинулся один из ворвавшихся в вестибюль на часового.

– На втором этаже, – струхнув немного, ответил поставленный сюда за провинность курсант, – вызвать, господин...

– Не нужно.

Жандармы сунулись через вертушку, хромированную, доходящую по грудь, но она была намертво закрыта.

– В чем дело?

– Господа, без пропуска нельзя.

Жандарм достал пропуск в здание СЕИВК заодно с удостоверением.

– Это пойдет?

– Никак нет, это пропуск не к нам.

– Он прав, господа! – раздалось за спиной.

Жандармы повернулись – невысокий, белобрысый, молодо выглядящий полковник Генерального штаба с кожаным портфелем под мышкой смотрел на них.

– Порядок есть порядок, господа, – сказал полковник, – у нас особый пропускной режим, это объект, охраняемый по Уложению о сохранности тайн государственных и иных. А вы кто такие?

– Слово и дело государево!

На полковника это не произвело никакого впечатления.

– В таком случае вам нужно вызвать сюда начальника первого отдела, он имеет привилегию проводить по своему пропуску посетителей. А сейчас, господа, извольте посторониться, я спешу.

Вызвали начальника первого отдела – старший группы уже с трудом мог сдерживать свое раздражение, но понимал, что спорить бессмысленно. Из Августейшей Семьи все мужчины здесь учились и alma mater поддержат.

Спустился генерал Прокопенко, третий отдел, контрразведка. Китель накинут на плечи, да и сам виду... помятого. Видать, разморило на жаре-то...

– Господа... – вопросительно уставился он на них.

– Поговорим в кабинете, – отрезал старший.

Кабинет генерала находился на втором этаже и обустроен был неряшливо и небрежно, видимо, хозяин достойной офицера аккуратности мало внимания уделял. Оно и понятно – всем известно, что сюда отправляют дослуживать до пенсии, благо должность генеральская, а работы почти никакой.

---

⁶ Лекционный фонд – совокупность лекций на факультете, преподаватели берегут его как зеницу ока. Иногда его надо обновлять в соответствии с новыми веяниями в науке.

– Татищев, третий отдел, – представился старший группы, – мы хотели бы узнать местонахождение курсанта Мохаммеда Хосейни. Это дело государственной важности.

– Хосейни? – недоуменно уставился на них генерал. – У нас нет такого, если память меня не подводит.

– Должен быть. Давайте проверим.

Жандарм, теряя последние остатки терпения, десять минут наблюдал за тем, как генерал Прокопенко бестолково тычется в разные директории справочной системы, потом терпение у него кончилось...

– Господин генерал, разрешите, я сам посмотрю.

Компьютерные программы, которыми пользовались правительственные учреждения, делались на единой платформе, потому Татищев освоился в ней почти сразу и задал пофамильный поиск. Программа дала отрицательный результат дважды, после чего он тупо пялился в монитор минуты три, прежде чем сообразил, в чем дело.

– Господин генерал, а у вас есть специальные списки? Ну, курсанты, которые записаны под другими фамилиями, чтобы сохранить инкогнито, так сказать.

– М... есть несколько дел в моем сейфе.

– Разрешите?

Вскрыли сейф – старый, выкрашенный суриком бегемот с заедающим запорным механизмом. Дело принца Мохаммеда было на самой верхней полке, поверх стопки.

– Али... Сафиуллин, – прочитал Татищев и, перенес папку на стол, ввел в программу новую фамилию. Программа выдала результат, заставивший его похолодеть.

Гатчина! Рядом – Царское Село!

– Благодарим за содействие.

– Э, а личное дело?! – крикнул вслед генерал.

Жандармы уже не слышали его – они бежали к выходу...

На выезде из города были пробки, поэтому до нужной им воинской части в Гатчине они добрались лишь через полтора часа. Место считалось «блатным», если использовать слова новояза, здесь проходили практику «приближенные особы», рядом – столица. Здесь их пропустили беспрепятственно, через пять минут они нашли заместителя командира части.

– Да здесь был... – недоуменно произнес майор в ответ на вопрос о курсанте от Генштаба, практиканте. – Извольт работать с документами. Половину штабной переписки изволили забрать и работают.

– Проживают где?

– Тучочки... – Майор показал на невысокое двухэтажное здание. – Для командированных выстроили, тут их у нас немало бывает.

– Панов, Гоглидзе – окна! – распорядился Татищев. – Макарьян, останься на всякий случай здесь. Остальные – за мной!

– Да что произошло-то? – удивился майор.

– Как можете охарактеризовать? – коротко спросил Татищев, когда они вчетвером вошли в подъезд.

– Как... черненький, тихий... по-русски хорошо говорит, даром что татарин. Вежливый... Работает много... из номеров не показывается, разве что в штаб за документами и обратно. Он что – злоумышленник какой?

– Нет, отец. Просто поговорить надо. Где?

– Одиннадцатая...

– Ключи есть?

– Так у дежурного...

– Иди, принеси.

Когда они остались втроем, отпустив струхнувшего майора вниз, Татищев оглядел двоих своих подчиненных.

– Стрелять только в ответ. Оружием вообще не махать. Приказ брать живым, поняли?

– Так точно.

– Я первый иду. Тараки за мной. Белых, остаешься у двери, страхуешь коридор.

– Так точно.

Вернулся с ключами майор, вид у него был несчастный – тоже до пенсии дослуживает, а тут на тебе...

– Куда дверь открывается?

– Наружу, ваше благородие.

– Разрешите...

Татищев перехватил связку ключей, расстегнул пиджак, чтобы при случае быстро достать пистолет. Тараки, чернявый крепкий носатый турок, вежливо оттеснил в сторону майора, чтобы не мешал, и встал следом, Белых встал еще дальше.

Жало ключа вошло в хорошо смазанный новенький замок почти бесшумно. Татищев повернул его и почувствовал, как сработал механизм замка. Рывок на себя – и только в последний момент жандарм понял, что полотно двери изнутри что-то держит. Но додумать, что может держать эту дверь, он не успел, он не был военным и не привык думать, что за каждой дверью может быть растяжка. Он успел еще распахнуть дверь и даже на секунду увидел: комната, змеящаяся по полу леска с выдернутой чекой на конце и большой красный газовый баллон, к которому умело прилажен стандартный запал от гранаты. Больше он ничего увидеть и понять не успел.

16 августа 2002 года

Константинополь

Аэропорт им. ЕИВ Александра Пятого

Константинополь, русский форпост на «другом» берегу Черного моря, город и русский, и не русский одновременно, вторая столица Империи. Двухмиллионный город, столица чужой, некогда одной из сильнейших в мире Империи. Взят с моря в одна тысяча девятьсот двадцатом году адмиралом Колчаком – это была первая в мире комбинированная операция в современном ее понимании, с задействованием трех родов войск: флота, палубной, стратегической и морской авиации и морской пехоты. Город, который некогда был столицей Восточного Рима, город, несколько сот лет пребывавший под гнетом чужой веры и чужой религии. Город, взятие которого принесло русскому Императору титул Цезаря Рима⁷, римского императора. Город, который снова стал христианским и более того – каждый год он на шесть месяцев становился столицей громадной Империи. Город, раскинувшийся по обоим берегам Босфора, помнящий свое прошлое, наслаждающийся настоящим и, в отличие от Багдада, не слишком-то заглядывающий в будущее. Город, ставший основной стоянкой сил Флота Индийского Океана, где у далеко выдающихся в море стенок военного причала ночуют крейсера, десантные суда и даже авианосцы. Истинно имперский, имеющий свое лицо город...

В восьмидесятые годы, после того как два аэропорта, названные именами адмирала Колчака и Александра Четвертого, перестали справляться с наплывом желающих посетить «Южный Петербург», власти сделали решительный шаг. Аэропорт Александра Колчака стал

---

⁷ С полным правом. История римских цезарей не обрывается на собственно Риме, и претензии германских варваров на наследство Рима малообоснованны. Рим, уже в виде Византии, просуществовал гораздо дольше, чем изначальный Рим, и после взятия Константинополя титул «Цезарь Рима» получил султан, который активно использовал его при обосновании своих прав на европейские земли. После взятия Константинополя русскими титул Римского Цезаря стал носить русский Император – а это был очень опасный титул, потому что в свое время многие знатные дворы Европы принесли вассальную присягу Римскому Цезарю.

военной базой, аэропорт имени Александра Четвертого был отдан под крупнейший в мире дирижабельный порт и терминал для особо важных персон. Новый аэропорт, названный именем недавно взошедшего на престол Александра Пятого, строили четыре года, но в результате получилось нечто колоссальное. Десятиэтажные автомобильные стоянки, пять двадцатичетырехэтажных гостиничных башен, шесть терминалов и несколько десятков самых разных полос, включая полосу для посадки военно-космических самолетов, в мирное время используемую для приема самых тяжелых транспортников и пассажирских аэробусов. Аэропорт был построен прямо на берегу Мраморного моря и включал в себя еще и средних размеров универсальный порт. Это позволяло, прилетев на Восток на самолете, тут же сесть на теплоход и отправиться дальше морем. Такое расположение аэропорта делало возможным и переваливать контейнеры, прибывающие морем, на грузовые самолеты и дирижабли, которых отсюда отправлялось больше, чем пассажирских лайнеров...

Семнадцатого августа – был День Константинополя, он так и назывался – День Константинополя, потому что именно в этот день русские морские пехотинцы подняли русский флаг над Долмабахче, султанским дворцом на берегу моря, высадившись ночью со штурмовых лодок. Кто-то этот праздник праздновал, кто-то нет, годов до тридцатых, до окончательного замирения в этот день обычно начинались поджоги и погромы. Сейчас это был просто праздник с театрализованным представлением. Константинополь, как и большая часть побережья, обрусел, и турки, в смысле интегрированности в русскую жизнь, теперь напоминали татар. Сегодня же, шестнадцатого августа, была пятница – в Константинополе, по традиции, это выходной день. Выходным обещало быть и воскресенье – перенесли с семнадцатого, – потому в аэропортах, на дорогах было не протолкнуться. Три дня отдыха в августе – кто-то с семьей едет в короткий круиз по Мраморному морю, кто-то – садится на дирижабль и отправляется на Черноморское побережье, ну а кто-то – в самолет, чтобы повидать семью в Санкт-Петербурге, Москве или Казани. Десятки тысяч людей считали время до отправки самолета или дирижабля. Пять человек считали минуты, отделяющие их от встречи с Аллахом.

В одном из множества вспомогательных помещений аэропорта, которое находилось на ремонте и поэтому пустовало, сидели пять человек. Это были молодые люди с курчавыми темными волосами и черными глазами, самому старшему из них минуло двадцать восемь, а самому младшему – восемнадцать. Они стояли на коленях, и их лица были обращены к кибле⁸, отметке, сделанной мелом на стене. Они творили молитву Аллаху, искренне ища его милости и бакажата⁹.

*Бисми Лляхи, тавакьяльту галя Лляхи, ва ля хауля ва ля куввата илля би-Лляху. Аллахумма, ин-ни агузу би-кя ан адилля ау удалля, ау азилля, ау узалля, ау азлима, ау узляма, ау аджхаля, ау йуджхаля галяййа. Аллахумма, ин-ни агузу би-кя ан адилля ау удалля, ау азилля, ау узалля, ау азлима, ау узляма, ау аджхаля, ау йуджхаля галяййа...*¹⁰

Все они родились и выросли в Российской Империи и были полноправными подданными Его Величества, все они ходили не в медресе, а в светскую школу, все они получили должное образование, трое из пяти работали, еще двое учились. Ни один из них не подвергался насилию со стороны государственных структур, а отец одного из них даже был главным инженером на нефтеприисках и мог себе позволить виллу на берегу Мраморного моря. И тем не менее

⁸ **Кибла** – отметка, указывающая направление на Мекку.

⁹ Благословения.

¹⁰ С именем Аллаха, я уповаю на Аллаха, нет мощи и силы ни у кого, кроме Аллаха. О Аллах, поистине, я прибегаю к Тебе в защите от того, чтобы сбиться с пути или быть сбитым с него, от того, чтобы допустить ошибку самому, и от того, чтобы меня заставили ошибиться, от того, чтобы поступать несправедливо, и от того, чтобы со мной поступали несправедливо, от того, чтобы быть невежественным, и от того, чтобы меня держали в невежестве. (Читается при выходе из дома, также можно прочитать при начале какого-либо дела.)

все пятеро были фанатиками, готовыми отдать, не раздумывая, свои жизни во имя торжества Халифата, принять шахаду и попасть в рай.

Это было новое поколение джихадистов. Эти не помнили, что когда-то была независимая Османская Империя. Этим никто никогда не унижал, и они не вставали на джихад из потребности свершить кровную месть по отношению к русскому государству или к отдельным подданным. Эти не были нищими и не вставали на джихад из-за нищеты. Просто они верили в то, что делают, и считали, что поступают правильно...

Когда они сотворили положенное ду'а, заговорил Ахмед. Он был самым старшим из них и являлся работником аэропорта. Благодаря ему и еще одному человеку удалось пройти в закрытую зону и всем остальным. Ахмед был самым опытным – и каждого из оставшихся четверых он лично привел в исламский комитет.

– Братья мои... – сказал Ахмед, – сердце мое переполняется от любви к вам и ко всем моджахедам, что сейчас делают джихад против неверных. Время неверия, время покорности, время ширка и поклонения тагуту завершилось. Пришло время действовать. Мы все грешны, Аллах тяжело карает нас за наши грехи и грехи наших отцов. Наша земля, где мы когда-то были полноправными хозяевами, находится под пятой кяффиров, а мы все – для них рабы. Когда-то давно полумесяц властвовал от южных морей и до большого северного океана – теперь на нас плюют. Все это – расплата за асабию, за грех ширка, за трусость. Когда-то вся земля русистов была нашей – сейчас им принадлежит наша земля.

Но время сокрытия закончилось! Каждый из нас должен внести свой вклад, каждый из нас должен пролить свою кровь за торжество таухида во всем мире, каждый абд'Аллах¹¹ должен принести и положить свою душу перед Господом миров, доказывая серьезность своей веры. Нас мало, но от нашей решимости умереть во имя Аллаха содрогнутся сердца миллионов, то, что мы сделаем, будет лучшим из ибадатов¹², как лучшим из ибадатов, самым угодным из всех является газават¹³. Я верю в вас, братья мои, в вашу силу и в вашу решительность, и верю в то, что рано или поздно я встречу с вами в раю, где мы будем вместе с братьями, которых мы не знали и которые так же, как мы, вышли и погибли на пути джихада. Аллах Акбар!

– Аллах Акбар!!!

...Примерно через полчаса небольшой тягач подкатил к борту 1-1-4 Константинополь – Санкт-Петербург несколько больших контейнеров. В таких контейнерах, которые специально и формой, и размерами подходили под фюзеляж самолета, на борт доставили вещи пассажиров, питание, почту и некоторые другие грузы, владельцы которых оказались достаточно состоятельными, чтобы раскошелиться на перевозку их именно таким образом. Водитель тягача отцепил поезд с контейнерами и покатил по своим делам, а через несколько минут подоспевший погрузчик и несколько уставших рабочих аэропорта перегрузили контейнеры в готовящийся к отлету самолет. Контейнеры были запломбированы.

– Алия! Алия!

Алия, одетая в форму «Северо-западных линий» восхитительная брюнетка, немного не дотягивающая ростом до модельного стандарта, всего сто семьдесят, но компенсирующая это безупречной фигурой 92–59–92, обернулась на зов.

– Да, Владимир Дмитриевич...

Пожилой, в насыщенно-синей летчицкой форме первый пилот Владимир Дмитрухин недовольно смотрел на Алию.

– Что с тобой сегодня?

---

¹¹ Раб Аллаха.

¹² **Аль ибадат** – поклонение. Всеобъемлющее понятие, означающее жизнь по шариату, совершение должного и воздержание от запрещенного.

¹³ **Газават** – джихад меча, в данном случае подразумевается вооруженный мятеж, бандитизм и терроризм. Нигде, кроме как в ваххабитских книжках, не написано, что лучшим из ибадатов является газават.

– Нет... ничего.

– Трап уже убрали. Закрывайте, давайте быстрее, у нас «окно» десять минут.

– Да, Владимир Дмитриевич, сейчас.

Окинув в последний раз взглядом сверкающее стеклом и полированной сталью здание аэровокзала, Алия потянула за ручку, и толстенная дверь с легким шипением встала на место. Она повернула ручку, загерметизировав салон, и законтрила ее, потом посмотрела на панель индикаторов. Индикатор помигал, затем загорелся зеленым – герметичность обеспечена.

Можно лететь.

Алия вышла в салон огромного пассажирского двухпалубного экспресса, они летали между двумя столицами Империи каждые три часа, перевозя по четыреста десять пассажиров в трех классах: высшем, бизнес-классе и туристическом классе. Экономического класса на этом маршруте не было вовсе, экономическим летали другими самолетами, другими авиакомпаниями.

Самолет был настолько большим и современным, что когда он находился на земле – не было понятно, они уже начали выруливать или все-таки стоят на месте, но по едва уловимым признакам она поняла, что самолет уже сдвинулся с места, они выруливали на взлетную.

По рядам шли стюардессы, расспрашивали пассажиров, все ли в порядке, помогали пристегнуться, профессионально улыбались всем и каждому. Алия была старшей стюардессой, ей уже не нужно было этого делать. Одному Аллаху ведомо, сколько она шла к своей цели и сколько ей пришлось вынести ради этого.

Лестница для стюардесс, которая вела с первого этажа самолета на второй, была по центру салона, там же располагалась самая настоящая кухня и салон отдыха для стюардесс – на этом самолете места хватало, не то что на старых моделях. Алия направилась туда, чтобы в последний раз вознести...

– Извините, сударыня...

Алия сбилась с мыслей, посмотрела на того, кто обратился к ней. Ну конечно... высший класс, как же иначе. Те, кто переплачивает за билеты впятеро, считают, что купили всех и вся, и ее в том числе. Но тут...

Светловолосый мужчина, где-то между тридцатью и сорока – Алия отметила почти незаметные шрамы у бровей, чуть сплюснутый нос, вероятно, занимался каким-то видом рукопашного боя – доброжелательно и с интересом смотрел на нее из того роскошного кожаного чудовища, которое в высшем классе называлось креслом.

Мальчишеская улыбка. Пряжка ремня в руке.

– Не можете?

Знакомая картина... с этого начинается.

– Да, конечно...

Алия наклонилась над креслом, застегнула ремень. Отметила, что в отличие от других приставал и донжуанов, которых в высшем классе всегда полно, от этого ничем не пахнет. Мужчины его типа предпочитают навязчивые, тяжелые, восточные ароматы, а от этого не пахло ничем, ни потом, ни чем-либо иным.

– Благодарю, сударыня...

Мужчина не стал звать ее «Алия», хотя это имя было написано на табличке, приколотой к форменному жакету слева. Но его взгляд был вполне даже красноречив. Равно как и визитка, которую он небрежным, но точным жестом засунул в кармашек ее жакета.

– Сударыня, был бы очень рад увидеть вас в Санкт-Петербурге. Ваша улыбка лишила меня жизненного покоя раз и навсегда...

Алия внутренне содрогнулась от омерзения, но по-прежнему продолжала улыбаться.

– Я подумаю...

За занавеской, отделяющей салон высшего класса от помещения для обслуживающего персонала, собрались уже почти все, самолет обслуживали двадцать две стюардессы, четырнадцать из них ублажали пассажиров салонов высшего и первого классов. Алия пристегнулась рядом с Тамарой, разведенной, яркой грузинкой лет тридцати. Та по-дружески подтолкнула ее плечом.

– Красавчик...

– Ты о чем?

– О твоём блондинчике.

Конечно же... через прозрачную занавеску было все видно, в другой раз Алия бы поддержала тему, пусть ей было бы и неприятно... но не сейчас.

– Перестань нести чушь.

Тамара хищно усмехнулась.

– Марин, а Марин! Посадочный бюллетень у тебя? Ну-ка дай...

– Прекрати...

Не обращая внимания, Тамара вчитывалась в схему размещения пассажиров высшего класса.

– Та-а-ак... высший класс, место...

– Ну, прекрати... – почти со слезами попросила Алия.

– Место Три Б. Заказано и оплачено с корпоративной скидкой, Нефтяное общество Тер-Акопова, представительство в Константинополе. А что, подруга, неплохо... Я бы и сама, но если уж такое дело...

За спиной кто-то понимающе хихикнул.

Алие было мерзко... так мерзко, будто она вляпалась в дерьмо, не просто наступила, а упала в него, вывалилась в нем с головы до ног. Она пошла на это потому, что так нужно было для уммы, но все равно было мерзко, отвратительно, постыдно. Как же они могут?! В авиакомпании на должности стюардесс подбирали, словно на конкурс красоты, помимо внешних данных требовались еще и не слишком твердые моральные устои... об этом никто не говорил вслух, но это было. Нельзя сказать, что кого-то заставляли... та же Тамара. Соблазнили, бросили, оставили с ребенком, а тут... высший класс, главноуправляющие, помощники управляющих, попадают чиновники от четвертого класса и выше, потому что, только начиная с четвертого класса, положено летать высшим классом за казенный счет. Можно удачно выскочить замуж или немного подзаработать, подцепить богатенького прожигателя жизни, поработать гидессой по Санкт-Петербургу, переводчицей... или как там еще это можно назвать. А можно и просто – перемигнулись, пошли в туалет, которых в высшем классе аж целых четыре, и...

Только все это так мерзко...

Как же они так могут? Разве этого хочет Аллах? Разве так должна себя вести женщина? Распутничать, оголять ноги, руки, отдаваться то одному мужчине, то другому.

Русские говорят, что дали женщинам свободу, но разве нужна такая свобода? Русские говорят, что избавили женщин от притеснения – но разве в исламе есть место притеснению женщины? Разве не сказано: наиболее совершенной верой обладает тот из верующих, кто отличается наилучшим нравом, а лучшими из вас являются те, кто лучше всех относится к своим женам¹⁴.

Но ничего... Скоро все изменится.

Когда самолет занял положенный коридор в девять тысяч метров, когда под крыльями «Юнкерса» было уже не море, а казачий юг России, Алия спустилась вниз, на третий уровень, туда, где находится почта и вещи пассажиров и все, что нужно для рейса. Взяла кусачки, скусила пломбу с одного из контейнеров...

---

¹⁴ Сахих ибн Хаббан, ч. 9, стр. 483, № 4176.

– Слава Аллаху... Мы тут чуть не околели от холода... – сказал один из молодых моджахедов, выбираясь из контейнера. Губы у него были синими.

– Перестань стонать, Али. И веди себя, как подобает мужчине и воину. – Второй моджахед, самый старший из всех, передернул затвор автомата Калашникова. – Кто в салонах?

– Никого. Сопровождения нет.

– Ты уверена, сестра?

– Уверена...

– В кабине?

– Я провожу. Надо, чтобы пошел кто-то один.

– Я пойду.

– Ну, тогда... во славу Аллаха...

Один из моджахедов размахнулся, и ударил Алию по лицу...

Воздушных маршалов, сотрудников службы безопасности авиакомпании, сопровождающих самолет, в салоне не было. В Российской Империи никто и никогда не угонял самолеты. Взрывать – взрывали, не раз и не два. Но угонять – не угоняли никогда. Потому, что предъявлять властям какие-то требования, угрожая убить заложников, было бесполезно, заканчивалось это всегда одинаково, разным было только количество погибших.

– Что вы здесь... делаете?..

Человек – имеется в виду неподготовленный человек, – сталкиваясь со смертельной опасностью, погибает обычно из-за того, что принимает неправильные решения. А неправильные решения он принимает из-за того, что перед тем, как принять решение, люди обычно обдумывают ситуацию, а тут их надо принимать мгновенно. Только профессионал, натренированный на уровне инстинктов, в подобной ситуации делает то, что нужно, потому что он не думает, реакция на все возможные ситуации им давно отработана и сто раз проиграна на тренировках.

Тамара, спускаясь вниз, на третий уровень, чтобы взять еще шампанского, наткнулась на молодого человека, небритого, с короткой крысиной бородкой и плещущимся в глазах фанатичным безумием. За ним на второй уровень поднимался еще один – и когда Тамаре в живот ткнулось что-то твердое, она инстинктивно схватилась за это руками.

Автомат бабахнул короткой очередью, и стюардессу отбросило на ступеньки. Террористы бросились по лестнице во второй салон; первый, кто выскочил, дал автоматную очередь в потолок, что-то заискрило.

– Аллах Акбар! Аллах Акбар! Не вставать! Не вставать! Сидеть! Сидеть! Аллах Акбар! Аллах Акбар!

Во втором ряду встал пожилой, лет под семьдесят, человек.

– Как вы смеете?..

Бабах!

Старика отбросило пулями на сиденье, пассажиры закричали в голос.

– Молчать! Молчать, молчать, убью! – Бесновавшийся террорист дал очередь в женщину, вышедшую из туалета в проход, просто потому, что испугался. – Убью! Сидеть, убью!

– Дима, что там у нас?..

Дверь из салона в кабину самолета не запирали, просто потому, что стюардесса принесет кофе, еду, обе руки будут заняты подносом...

– Короткое замыкание на втором уровне! – резко ответил второй пилот, взглянув на загоревшуюся красным контрольную лампу.

– Иди, посмотри...

Дверь открылась с пинка, террорист с порога выстрелил из пистолета во второго пилота, вышедшего из кресла, и его отбросило назад. Взвыли турбины, самолет дернулся так, что террорист едва не полетел с ног.

– Ты что... – Первый пилот выровнял самолет, не допустил его срыва только за счет своего опыта. – Ты что делаешь, дурак?!

– Молчать! Во имя Аллаха, молчать, убью! Убью!

– Дурак, кто самолет поведет? Кто самолет поведет?!

– Я поведу! Я поведу, с именем Аллаха! Молчи и держи курс! Молчи!

Алия выходила последней – ее ударили по лицу, под глазом наливался синяк – это, чтобы все поверили, что она тоже – жертва террористов, а не член исламской террористической ячейки. Поднимаясь по лестнице, она взглянула в глаза Тамаре, которая была еще жива.

– Проститутка, тебя наказал сам Аллах! – Алия пнула умирающую Тамару ногой. Потом пошла дальше...

Человека со светлыми волосами звали Грегор Гольц – хотя билет у него был на имя чиновника десятого класса Григория Олсуфьева, – и он был опасен. Он был опасен не меньше, чем алабай, среднеазиатская овчарка, разрывающая волков, или некоторые виды сибирских собак, останавливающих лосей и медведей, он был опаснее всех четверых террористов, вместе взятых. Сорок один год от роду, справлял службу сначала в войсках особого назначения, затем – в дворцовой полиции. После достижения срока выслуги – а он ее выслужил в тридцать один год – ушел в частную сферу и на данный момент занимал должность управляющего по вопросам безопасности «Нефтяного и Торгового дома Тер-Акопова». У него не было ни ножа, ни пистолета, ни автомата, ни снайперской винтовки, но сдаваться этот человек не собирался. Положив руки на затылок, как все, он хладнокровно просчитывал варианты.

То, что кончится плохо – это несомненно. Лететь им некуда, они над Россией, это не трансатлантический лайнер, он предназначен для того, чтобы перевозить максимальное количество пассажиров за минимальную цену внутри страны. Стоит им где-то приземлиться для дозаправки, выдвинуть требования – и взлететь им уже не дадут, начнется штурм. Бандиты понимают, что им – конец, за террористический акт наказание может быть только одно – смерть. Империя не договаривается с террористами, тем более в таких обстоятельствах – на Востоке мятеж, в Висленском крае – мятеж... собственно, он как раз и выкроил день, чтобы слетать в Санкт-Петербург, найти старых друзей и кое о чем тет-а-тет переговорить. В составе жандармерии существуют группы «Волк» с территориальными отделами по стране, в Санкт-Петербурге их встретит отряд А – спецподразделение, подчиняющееся СЕИВК и занимающееся борьбой с терроризмом. Несмотря на то что у этих – огнестрельное оружие, шансов при штурме у них никаких, максимум, что они успеют сделать, – это пристрелят нескольких бедолаг, прежде чем сами отправятся к Аллаху... или куда там. Четверо – слишком мало, чтобы надежно контролировать огромный двухпалубный лайнер, даже если с автоматами. Тогда какого черта им надо?

Неужели...

Услужливая память подсказала – да, вполне возможно...

Тогда, десятого сентября прошлого года, последний самолет, который упал в Виргинии, САСШ, – вполне мог направляться к атомной электростанции. Неизвестно, что там произошло, то ли самолет сбили, то ли сами террористы не справились с управлением, то ли граждане попытались захватить управление... да и неважно это. Если бы самолет упал на атомную станцию – беженцами бы стали миллионы, погибшими – десятки тысяч.

Атомная электростанция под Санкт-Петербургом – восемь атомных энергоблоков, четыре тысячника, два полуторатысячника, два двухтысячника – не только питает энергией Север, но и экспортирует ее в Пруссию. Город Сосновый Бор, рядом столица Империи и Красное Село. А ведь если они будут заходить на посадку на...

Грегор Гольц исподлобья посмотрел на террориста с автоматом Калашникова, медленно идущего по рядам. Он был к нему спиной, до него было метров десять. Сейчас?

Нет, не сейчас... Надо подождать. Пусть они понервничают, пусть они устанут и потеряют бдительность, пусть они расслабятся, стоя уже на пороге рая. Вот тогда...

В кабине Владимир Дмитриевич незаметно для террориста нажал одну из кнопок. Она сообщала о том, что на борту чрезвычайная ситуация, на землю, во все ближайшие центры управления воздушным движением. Помимо этого – на земле теперь могли знать, что творится в кабине, потому что все разговоры в кабине пилотов теперь записывались и отправлялись вниз в режиме реального времени.

– Зачем ты это делаешь?! – Летчик с трудом сдерживался, труп второго пилота, совсем молодого парня, лежал в проходе. – Тебя же убьют.

– Я приму шахаду, – ответил молодой террорист, – и попаду в рай. А ты в рай не попадешь. У Аллаха для русских свиней нет рая...

– Мне надо отлить.

Террорист – молодой, с неаккуратной козлиной бородкой – остановился, уставился на сидящего в первом классе чиновника.

– Что ты сказал?

– Мне надо отлить... пожалуйста... мне надо в туалет.

Террорист захохотал, ткнул кяффиром ствол автоматом.

– Ссы в штаны, грязная свинья! Вы все грязные свиньи, все!

– Как вы можете?!

Террорист рассвирепел, ударил чиновника ствол автоматом по лицу – раз, затем еще раз. В глазах его плескалось опасное, сумасшедшее пламя ненависти.

– Ссы в штаны, кяффир, ну! Ты, сын шакала. Ба-бах!!!

Последние слова террорист выкрикнул, чиновник вздрогнул – и на его светло-серых брюках начало расплываться темное пятно.

– А-ха-ха... Свиньи! Вы все грязные свиньи, свиноеды! Среди вас нет ни одного воина, ни одного мужчины!

– Али!

Молодой террорист с автоматом и крысиной бородкой обернулся на зов. Брат Джавад махнул рукой. Али подошел.

– Что ты делаешь?

– А... тут один кяффир... они все трусы, он обоссался. Все в порядке, брат.

– Не кричи. И не сквернословь. Воистину Аллах спросит с нас, и даже наша шахада не искупит все грехи. Разве ты хочешь предстать перед Ним со скверными словами на устах и нечистыми помыслами?

Али испугался. Все-таки он был очень молод.

– Аманту би-Лляхи ва русули-хи¹⁵. Да простит меня Всепрощающий.

– Аллах да простит всех нас. Будь осторожен.

Было просто омерзительно – чувствовать горячую, мокрую ткань, вдыхать омерзительную вонь, чувствовать нечистоту и унижение. Но это было необходимо. Теперь он для бандита – всего лишь обоссавшийся от страха кяффир.

И пусть думает так.

– Рахья! Рахья! Во имя Аллаха, посмотри!

Рахья, которому было всего двадцать три года, подбежал к иллюминатору. Здесь, в первом классе, расстояния между сиденьями такие, что можно было спокойно ходить по салону и подходить к любому иллюминатору.

В нескольких сотнях метров от самолета, держащего курс на северо-запад, висел остроносый, двухкилевой истребитель-перехватчик Гаккеля. Он был похож силуэтом на разъярен-

---

¹⁵ Уверовал я в Аллаха и в посланников Его.

ную кобру, его серый с хаотическими черными и голубыми пятнами окрас сливался с небом. Истребитель замер выше правого крыла «Юнкерса», будто подвешенный к нему невидимыми нитями. Под крыльями висели ракеты...

– Они боятся нас... – сказал Рахья, стараясь унять, загнать как можно глубже в душу недостойный моджахеда страх, страх перед государственной машиной, перед Его Величеством и перед всеми его подданными, которым они, четверо, бросили открытый вызов, – да... они боятся нас. Аллах Акбар!

– Аллах Акбар! – закричал Али, как будто пилот истребителя мог услышать его.

... Человек по имени Грегор Гольц в последний раз взглянул на часы. Пора... до Санкт-Петербурга – тридцать минут, не больше. Ему понадобится десять... потом он перехватит управление... только бы эти ублюдки оставили в живых хоть одного пилота. У него имелась лицензия пилота легкомоторного самолета, но легкий «Аист» – это одно, а двухпалубный «Юнкерс» – совсем другое.

Штаны отвратительно намокли в паху, его сосед – и в самом деле какой-то чиновник – старался смотреть в другую сторону. И то лучше... пусть не дергается.

Пальцы правой руки коснулись массивных часов в стальном корпусе, поползли вправо, нащупали чуть заметный выступ и зацепили его ногтем. Потасили на себя. Крышка часов начала смещаться, превращаясь в нечто наподобие сюррикена, только необычного вида. Круглая пластина диаметром семь сантиметров с квадратным отверстием внутри, край заточен, как бритва, несмотря на маленькие размеры – очень тяжелая. Назарэм, японское метательное оружие ниндзя, в отличие от сюррикена его намного проще прятать.

– Я хочу, чтобы эвакуация этого терминала была завершена через десять минут! Какого черта копаетесь?!

Полковник Павел Расторгуев, командир дежурной смены спецотряда А, раздраженно смотрел на потеющего, слишком толстого для службы генерала МВД, стоящего перед ним навтыжку. Неофициально звания чинов, приписанных к Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, считались на три звания выше, чем по любому другому ведомству, поэтому полковничье звание Расторгуева приравнивалось сейчас к званию тайного советника по гражданскому ведомству, генерал-лейтенанта по военному, вице-адмирала по флотскому и егермейстера Его Императорского Величества по придворному. Полковник Расторгуев недавно вернулся с шестимесячной стажировки в Форт Брэгге, где подружился с Маленьким Биллом – так близкие звали бригадного генерала, командовавшего спецотрядом «Дельта». Маленький Билл сейчас по-доброму бы позавидовал тому, как его русский друг отчитывает старшего по званию генерала, начальника полицейского ведомства.

Кстати, было бы лучше, если бы этим делом занимался Маленький Билл и его «Дельта»... последний раз реальный штурм самолета у них был... он тогда еще не служил. Это в Северной Америке постоянно пытаются угнать самолет в Латинскую Америку, а то и в Африку, в России терроризм иного рода, самолеты здесь не угоняют. Но делать нечего – это их задача, им ее и решать...

– Но вещи...

– Какого черта? Гоните всех, вещи пусть оставят здесь, не создавайте давку!

– И-й-есть! – Генерал, вспомнив молодость в чинах подпоручика, ринулся накручивать хвоста своим подчиненным.

Полковник Расторгуев подошел к стеклянной стене нового, четвертого терминала аэропорта, достал небольшой бинокль. Вдалеке, у самой кромки ВПП, параллельно ей, на высоте примерно метров пять над землей, шел тяжелый вертолет Сикорского с откинутой хвостовой аппарелью, из него через равные промежутки времени выпрыгивали люди со снайперскими винтовками, залегали на поле, занимая свое место в цепи. Люди со снайперскими винтовками

занимали позиции на обеих диспетчерских башнях, на крышах ангаров, снайперов было так много, что на каждого террориста приходилось не меньше чем по десять снайперских винтовок. Полковник не увидел этого, но он знал, что вон за теми двумя ангарами стоят три грузовика, на каждом из которых вместо обычного кузова укреплены широкие стальные штурмовые трапы. Люди в черных огнеупорных костюмах и в титановых шлемах в последний раз проверяют оружие, занимают свои позиции – как только самолет приземлится, все эти машины выйдут на исходные, и люди на них будут ждать столько, сколько потребуется – минуту, час, день. А вон там, у трех желтых четырехосных пожарных машин, суетятся люди в блестящих огнеупорных пожарных комбинезонах, и половина из них – отнюдь не пожарные. А у терминала, вон там, должны стоять несколько карет «Скорой помощи», и в трех из них сидят совсем не врачи, пусть и в белых халатах. А...

Интересно – кто же все-таки это такие? И на что они рассчитывают?

Али шагал по проходу между испуганными, жалкими свиньями, безбожниками и многобожниками, твердо помня о том, что войско муслимов всегда одерживает победу, потому что так сказал Пророк, а его устами так сказал Аллах. Он даже не понял – когда умер.

Грегор Гольц хладнокровно пропустил Али рядом с собой и мгновенно, бесшумно поднялся из кресла. Правой рукой он зафиксировал автомат, левой – обхватил молодого террориста за шею и резко рванул на себя и влево. Шея с едва слышным хрустом сломалась.

Чисто. И без крови.

Опустив обмякшего террориста на пол, Гольц пошел вперед, подхватив автомат. К счастью, был четверг, самолет был полон, и террористы не заставили всех особо важных персон переместиться из салона высшего класса в первый или даже эконом, если бы заставили, было бы намного сложнее. Пройдя между креслами, он вышел в соседний проход, зажав в пальцах правой руки заточенный назарэм. Террористы допустили еще одну ошибку – им надо было бессистемно переходить из ряда в ряд, а они ходили, как часовые, один в салоне высшего класса, другой – в салоне первого. Между первым и высшим классами находилось помещение для стюардесс, Гольц проскользнул через него, дальше было что-то вроде тамбура. Автомат в левой руке – подстраховка, можно было выстрелить навскидку, зажав приклад локтем, но лучше бы не стрелять, черт его знает – сколько там еще этих, не может быть, чтобы не было еще двоих, а то и больше. Нужно все сделать тихо. Откинув стволом плотную штору, которая преграждала выход в салон первого класса, он увидел второго террориста, тоже с автоматом, тот стоял к нему лицом и был очень удивлен. Понять, что происходит, террорист не успел – заточенный, как бритва, назарэм пролетел метров десять и выбил ему правый глаз, террорист взревел от дикой боли, инстинктивно схватившись за то, что осталось от глаза. Гольц бросился вперед; прежде чем террорист сориентировался, он повалил его на пол, а потом убил, ударив стволом автомата в горло...

Кто-то истошно завизжал.

– Молчать! Молчать!

Второй автомат – оружие ни в коем случае нельзя оставлять без присмотра – назад его, за спину, на всякий случай. Теперь быстро вниз... туда ведут две лестницы, в носу и посередине самолета, первая – для пассажиров, вторая – для обслуживающего персонала. Он сшиб с ног одну из стюардесс, выскочившую на крик из своего маленького салона, ссыпался вниз по лестнице и накоротке столкнулся с третьим террористом, тот бежал к лестнице, видимо, услышал, что наверху что-то неладное. Их автоматы смотрели друг на друга, но уровень подготовки был, конечно, разный. Дворовая шавка – пусть не раз битая, озлобленная на весь мир – и натасканный на кровавую добычу волкодав. Гольц успел упасть, грамотно упасть, на спину и лежа дважды выстрелить в террориста. Автоматная пуля в салоне летящего на высоте самолета смертельно опасна, разгерметизация не щадит никого, но если стрелять снизу вверх, пуле

нужно будет преодолеть еще и прочный пол между первым и вторым уровнями, точнее, даже потолок второго уровня и пол первого и еще техническое пространство между ними с различными проводами. Террорист рухнул замертво. Гольц уже бегом бросился в хвост самолета. Он не знал, сколько еще на борту террористов, и ему надо было обыскать туристический класс, чтобы не получить пулю в спину. Он ворвался в туристический класс, подобно торнадо.

Никого!

Назад, назад. Быстрее.

По пути ему попала стюардесса, та самая... с синяком, как пьяная... жаль девчонку... накрылся, можно сказать, плэнер¹⁶. Рывкнув «Не вставать!», он двинулся дальше.

Пилотская кабина в этой модели «Юнкерсов» находится как бы между первым и вторым уровнями, снизу и сверху на нее ведут лестницы, и перед собственно кабиной есть что-то типа холла, примерно два метра на пять. Держа автомат на изготовку, Гольц одним прыжком проскочил лестницу и...

– Я его убью! Это пилот, я его убью!

Дверь кабины открыта настежь, буквально в метре от него – первый пилот, за ним – террорист.

– Бисми Ллахи!!!¹⁷ – выкрикнул Гольц.

Прежде чем ошеломленный террорист сумел осознать сказанное, грохнул автоматный выстрел, и на белую панель облицовки брызнуло красным. Первый пилот и террорист повалились одновременно.

Только идиот ведет в таком случае переговоры. Или тот, кому надо увольняться и идти работать сторожем. С террористами бессмысленно о чем-либо разговаривать, и не только бессмысленно, но и вредно. А «Бисми Ллахи»... не раз и не два бойцам спецназа удавалось заставить террористов врасплох вот таким вот простым способом и выиграть именно ту секунду, которая решает исход схватки. Военная хитрость, не более.

Террорист мертв, Гольц был уверен в этом, потому что видел его мозги, стекающие по перегородке. Перескочив через загромоздившего проход пилота, Гольц сунулся в кабину – но все, что он там увидел, – это еще один труп.

Пилот, шевелясь на полу, как раздавленная гусеница, пытался подняться. Самолет, судя по тому, что он еще не пикировал – был на автопилоте, но спикировать он мог в любой момент.

– Вставайте!

Пилот был мертвенно бледен... между сорока и пятьюдесятью... конечно, испытание не из приятных. Черт бы все побрал...

Гольц рывком поднял пилота с пола, хлестнул его по лицу – раз, другой...

– Что... что вы себе позволяете?!

– Достаточно?

Пилот потер горящую щеку.

– Да... кажется...

Внезапно он перегнулся пополам, и его вырвало, прямо на ноги, на брюки. Гольц молча протянул платок.

– Вы сможете посадить самолет?

– Не уверен...

Черт...

– Я проверю, что в салонах, потом приду и помогу вам. Мы сделаем это вместе, и все будет нормально. Их больше нет.

---

¹⁶ От фр. en plein air – «на открытом воздухе». В данном контексте – уик-энд на открытом воздухе с прекрасной дамой, в кругах оных это так называлось.

¹⁷ Бисми Ллахи – во имя Аллаха.

– Больше нет... – тупо повторил пилот.

Только бы не скатился в шок. Тогда – точно... земли нажремся.

– Идите на свое место! Быстро!

Первый пилот не сел, а рухнул в свое кресло, не пристегнувшись. Хорошо, что он включил автопилот, иначе бы...

Соседнее кресло было занято. Гольц решил, что труп в кабине – не лучшее соседство для пилота, сажающего переполненный лайнер.

– Я сейчас вернусь. Это он его убил?

– Да... Митька...

– Они мертвы. Все мертвы. Они мертвы, а мы – живы. Пока – живы. Я сейчас приду.

Вытащив убитого пилота из кресла, Гольц повернул голову, чтобы посмотреть, куда поставить ногу, и...

Алия стояла в дверях пилотской кабины. Плотно сжатые губы, дикая ненависть в глазах – и две осколочные гранаты в вытянутых, подрагивающих руках.

У Гольца обе руки были заняты. Автомат был на груди, но его прижимало тело пилота. Они стояли и смотрели друг другу в глаза...

– Ля иллахи илля Ллаху¹⁸.

Первый пилот обернулся, недоуменно посмотрел на старшую стюардессу.

– Алия, ты?..

Поняв, что происходит, понимая и то, что, скорее всего, не успеет, Гольц сильным рывком попытался толкнуть тело мертвого пилота на обезумевшую стюардессу и прыгнуть самому, чтобы сбить ее с ног, или хотя бы накрыть гранаты собой. Но лимит везения, отпущенный ему на сегодня, был безнадежно исчерпан.

Он не успел...

Во имя Аллаха!

18 августа 2002 года

Западная Сибирь

Вертолет появился тогда, когда я уже перестал надеяться. Когда я начал сходить с ума в этом медвежьем углу, окруженном тайгой, куда нет даже дороги. Когда появилась мысль добраться до экипажа очередного вертолета, завозящего сюда припасы и...

И будь что будет.

Вертолет я узнал сразу – Сикорский-89 «Салон», антрацитно-черный, с золотистым двуглавым орлом на фюзеляже. Понятно, кого он должен был возить, но я не хотел заранее знать, кого он привез. Задержав штору, я начал готовиться...

Это был Цесаревич. Мой старый друг по детским играм, с которым мы вместе отдыхали летом, кадрили первых дам и дрались с хулиганами. Но я едва узнал его.

– Ты мне нужен... – это было первое, что он сказал мне, когда переступил порог моих комфортабельных апартаментов.

– Что произошло? – не обращая внимания на сказанное, спросил я.

– Посуда есть? – вопросом на вопрос ответил Цесаревич.

Я открыл шкафчик, достал два пластиковых стакана.

– Извини, только такая. Фарфора тоже нет.

Николай достал из внутреннего кармана своего старого, еще времен десанта, кителя плоский шкалик «Смирновской», разбулькал ее по стаканам. Один молча протянул мне.

---

¹⁸ Ля иллахи илля Ллаху, инна ли-ль-маути ля-сакаятин. – Нет Бога кроме Аллаха, воистину смерти предшествуют беды. Заупокойная молитва.

Выпили не чокаясь, я уже понял, что чокаяться не стоит, что пьем за погибших. Осталось понять – за кого.

– Что? – спросил я.

– Отца больше нет, – глухим, надтреснутым голосом ответил Николай, теперь уже Николай Третий, Самодержец Российский.

Ну и что тут сказать? А ничего и не надо говорить. Нет для этого слов. И утешения – тоже лишние. Утешения нужны дамам. Не русским офицерам.

– Как?

– В Варшаве. Самолет потерпел катастрофу при заходе на посадку. В стране мятеж.

– Опять?

– Да.

Вот это – дела... Поверить сложно.

– Что на Востоке?

– Все хуже и хуже. Уже десятки тысяч убитых. Смертники подрываются каждый день.

Ситуация выходит из-под контроля. Штанников застрелился.

– Застрелился или застрелили? – уточнил я.

– Застрелился. Из-за этого мы остались с разведкой, работающей наполовину, причем в самый тяжелый момент. Как думаешь – он был предателем?

Я подумал.

– Нет. Скорее всего – нет. Его просто переиграли. Заставили играть по чужой партитуре.

Это – британцы.

Цесаревич кивнул, мне показалось, что он меня не слушает.

– Что еще?

Николай помедлил, но потом все-таки ответил:

– Два самолета. Один взорвался над Москвой. Второй потерпел катастрофу на подлете к атомной электростанции под Петербургом.

– Дестабилизация, – кивнул я, уже ничему не удивляясь. – Чего ты хочешь от меня?

– Я хочу, чтобы ты возглавил военную разведку. Больше мне доверять некому.

Я покачал головой:

– Это будет ошибкой, какую мы в такое время позволить себе не можем. Нарушится преемственность. Половина офицеров ГРУ, я уверен, считают меня предателем...

– Какое мне дело до того, кем они тебя считают?! – вспыхнул Николай, но я поднял руку, прося дослушать до конца.

– Эти люди должны сейчас работать с полной отдачей. В это время мы не можем себе позволить громить разведку, меняя весь персонал. Нужно обеспечить преемственность, разбираться будем потом. Пусть разведку возглавит кто-то из товарищей Штанникова, он лучше во всем этом разберется. И не забывай, что я действующий контр-адмирал флота. Для тех, кто работает в ГРУ, назначение контр-адмирала флота на должность директора будет воспринято как пощечина. Ты же помнишь, какие драки были между сухопутчиками и морскими, сами и дрались. В комендатурах места не хватало для всех задержанных!

Николай помедлил, но потом кивнул, признавая мою правоту.

– Что происходит? Мне сказали, что ты предупреждал о катастрофе.

– Что происходит... Поздно, но все-таки. Принц Хусейн не был британским агентом. Он не имел никакого отношения к делишкам своего отца, к его контактам с заговорщиками, с радикальными шиитами, с отрядами Хезбалла, со смертниками. Он был националистом, но с ним можно было иметь дело. Когда мы потеряли его, шиитский фактор полностью вышел из-под контроля.

Николай снова кивнул.

– Почему они убили моего отца?

– Я так полагаю – все это звенья одной цепи. Все неслучайно. Это – британцы, они затеяли игру и пока выигрывают. Их цель – сплотить всех против нас. Они играли в игру в Персии, чтобы восстановить против нас Североамериканские соединенные штаты. На стол их президенту ложились документы, подтверждающие то, что Персия готовит террористов-смертников, а Российская Империя передала ядерные технологии и курирует изготовление в Персии ядерного оружия, нарушая тем самым договор о нераспространении. Все это подсунили им британцы, поскольку они знали о том, что это правда, достоверно знали. Польша взорвалась, потому что это выгодно британцам. Война в Европе с перспективой втягивания в нее Австро-Венгрии, возможно, Италии и даже Священной Римской империи. Будут новые провокации с целью разжечь пожар – и мы должны быть к этому готовы. Но убийство твоего отца... это что-то новое. Оно имеет какую-то цель, вопрос в том, какую...

А и в самом деле – какую? Когда убивают отца...

Боже...

– Кажется, я понял. Возможны два варианта дальнейшего развития событий, причем развиваться они могут одновременно. Вариант первый – британцы представят доказательства того, что Государь убит по твоему приказу... не перебивай! Второй... второй еще страшнее. Им надо было поставить тебя на трон. Знаешь, почему?

– Почему?!

– Потому, что ты нажмешь кнопку.

...Несмотря на отличную звукоизоляцию салона вертолета, говорить шепотом все-таки было нельзя – работа двигателей была слышна, – это было приглушенное гудение на высокой ноте. Зеленое море тайги плыло в иллюминаторах...

– Им нужен ты, потому что ты десантник и патриот! Они все просчитали! Психотипы, понимаешь! Твой отец закончил службу командиром экипажа стратегического бомбардировщика, они это знают! Его основные черты характера – это хладнокровие и расчетливость, он флегматик. Ты – не такой! Ты служил в десанте, твой девиз – «Никто кроме нас!». Ты кто угодно, но не флегматик! Поэтому ты нажмешь кнопку!

– Какого дьявола мне ее нажимать? – Николай так пока и не понял.

– Потому что другого выхода не будет. Мы же с тобой военные, учились войне – и мы оба знаем, что такое теория гарантированного взаимоуничтожения. У тебя есть ядерное оружие в количестве, достаточном, чтобы сотню раз уничтожить все живое на земле – и у меня оно есть. Поэтому любые телодвижения чреваты. Северной Америкой руководит идиот! Возможно – алкоголик и психопат. Основное воздействие будет идти на него, и североамериканские спецслужбы не предпримут контрмер, они не считают британцев врагами.

– Я так пока ничего и не понял.

– Сейчас поймешь. Британцы убедили Меллона в том, что у Персии есть ядерное оружие и это ядерное оружие дали ей русские! Они убедили его в том, что мы передали шахиншаху ядерные взрывные устройства, что мы несем за это ответственность. Я думаю, что в Северную Америку уже ввезли ядерные фугасы. Возможно, один, а возможно – и больше! Надо провести ревизию, узнать, что именно могло быть у шахиншаха. После того как эти устройства взорвутся, Северная Америка нанесет по России ядерный удар! А мы – нанесем удар по ним! Ты нужен потому, что, увидев ситуацию, без колебаний отдашь приказ о полномасштабном ответном ударе.

– Но кому это надо?

– Тем, кто уверен в том, что ракеты не полетят в их сторону! Британцам! Они сдают свою бывшую колонию, стравливают нас, чтобы добиться взаимного уничтожения самых опасных своих конкурентов. Они делали это, и уже не раз! Они ненавидят североамериканцев так же, как нас, просто они не говорят об этом вслух.

– Но почему Меллон должен отдавать приказ об ударе по России?! Десятого сентября этого не произошло!

– Десятое сентября произошло не случайно. Меллон окончательно свихнулся, он думает, что он мессия. Он открыто говорит о том, что общается с Богом. Он просто не может не ответить, если подобное произойдет второй раз. НОРАД – система раннего предупреждения о ракетном нападении – имеет ряд ключевых элементов на территории Британии, они имеют доступ к ее базам данных. Если они скажут североамериканцам, что на них идет стая русских ракет – Меллон, не задумываясь, отдаст приказ об ответном ударе! Тем более после ядерного теракта. А потом ударим и мы – уже по-настоящему! Останутся только британцы!

Цесаревич посидел молча, видимо, размышляя над сказанным, потом кивнул в знак согласия.

– Что ты собираешься делать?

– Надо остановить процесс в Северной Америке. Британцы не ожидают противодействия там, в этом – их слабое место. Мне придется обратиться к людям, из-за контактов с которыми меня сочли предателем! Мне придется воспользоваться помощью североамериканских спецслужб – иначе никак! Ты веришь мне?

– Да.

– Это самое главное! Можно приниматься за работу.

18 августа 2002 года

Санкт-Петербург

Третий отдел СЕИВК

– Рад вас видеть в добром здравии, сударь...

И ведь в самом деле рад. Что же это за люди такие, откуда они берутся? Люди ли это?

– Я тоже рад, господин тайный советник.

Путилов улыбнулся – тонкой, острой, как бритва, улыбкой.

– Действительный тайный советник. Звание присвоено позавчера.

– Вот как? За какие такие заслуги, позвольте полюбопытствовать?

– За заслуги в деле обеспечения безопасности Государства Российского, я так полагаю.

У вас есть другое мнение?

Интересно, он и в самом деле такой придурок или просто притворяется?

– Хороши заслуги. Повторение «десятого сентября» менее чем через год после событий в Северной Америке. Гибель Государя от рук просочившегося в состав охраны фанатика, который там работал несколько лет, и никто его не разоблачил.

Путилов покачал головой.

– Сударь, вы ищете ссоры?

– Ссоры? Помилуй бог.

– И тем не менее я требую объяснений. Вами сказано слишком много, князь, и одновременно слишком мало.

– Мною сказано достаточно. После всего случившегося любой руководитель разведслужбы войдет с прошением на Высочайшее имя об отставке.

– Не мне вам объяснять, как это произошло. Военная разведка заигралась в игры. Под ее крылом и при прямом руководстве руководителя службы готовились террористы-смертники, незаконно передавались ядерные технологии, разрабатывались никем не санкционированные боевые операции. Вы сами, князь, едва не погибли из-за этих игр военных. Штанников застрелился, думаю, этого более чем достаточно.

И в самом деле, не понимает.

– Господин Путилов. Я намекну – только намекну. Известные вам персоны в Багдаде, а скорее всего и не только в Багдаде, ведут деятельность, о которой вы не можете не знать. Более

того – вы ее прямо контролируете и направляете. Это – позор для русского офицерства. Все то, что произошло, произошло из-за вашей схватки с военной разведкой, из-за борьбы за власть, за влияние, за бюджетные ассигнования. Британская и австро-венгерская разведки прекрасно воспользовались этим, они сидят на трибунах Колизея и хлопают в ладоши, пока мы рвем друг друга на куски, как дикие звери. Я не могу осуждать ни вас, ни людей из Багдада, поскольку и сам когда-то занимался тем же самым, но отношение высказать могу. Мы с вами – вы, я, они – в дерьме по самые уши, и кровавые пятна на наших мундирах уже не отстирать. Разница между вами и мной в том, что я понимаю, какое зло творим мы все, а вы это злом не считаете. Разница между нами и генералом Штанниковым – в том, что у него хватило духу застрелиться. Теперь давайте работать.

*Оперативное время
одиннадцать часов сорок одна минута
19 августа 2002 года
Где-то под Санкт-Петербургом*

Это тоже был бункер. В России, долгие годы готовившейся к войне, их вообще было много, этих бункеров, их строили до начала девяностых, пока не решили, что достаточно. Тогда, в начале девяностых, призрак войны, призрак безумного ядерного апокалипсиса, когда сотни миллионов, даже миллиарды людей жили в постоянном страхе – отступил.

Но теперь призрак вернулся, и безумная ухмылка его преследовала каждого из тех, кто собрался сейчас в этом бункере, расположенном под действующим цементным заводом в окрестностях столицы Российской Империи. Призраку нравилось питаться страхом людей, это была его пища, и сейчас он напился впервые – впервые за много лет. Но ему этого было мало, ибо сейчас боялись отдельные люди, а ему требовалось, чтобы боялись, как раньше, сотни миллионов. И процесс уже пошел...

– Господа, приступим.

Государю Российскому, получается, что еще новоизбранному Царю Польскому и Шаху Персидскому, Николаю еще трудно давалась роль самодержца, он не привык к ней. Он честно готовился, постигая самые разные науки, которые следовало знать самодержцу. Но он был молод – моложе почти всех тех, кто собрался сейчас под землей, чтобы решить, возможно, самую большую проблему, встающую перед страной и перед престолом за последние пятьдесят лет. Он не был готов и ждал, что судьба подарит ему еще лет десять нормальной жизни, позволит пережить любовную горячку и воспитать сына, чтобы потом со спокойной совестью и холодной головой окунуться в дела государственные. Но судьба редко проявляет благосклонность – и сейчас Государь Николай находился во главе старого, покрытого пылью стола, за его спиной красовался потускневшей позолотой двуглавый орел, а на него смотрели люди, сидевшие по обе стороны стола. Они смотрели на него как на человека, который знает все и может решить любую проблему, – и Государь не мог, не имел права признаться им, что не знает, что делать, и что он напуган. Да, да, он – русский офицер-разведчик, смело шедший навстречу смерти и ведший за собой людей, был по-настоящему напуган, возможно, впервые в жизни. Потому что он был честным человеком, он понимал и осознавал меру ответственности, возложенную на его плечи. Тогда он рисковал своей жизнью и жизнями солдат его роты, а сейчас на нем лежала ответственность за все огромное государство, за Империю. И, наверно, – за все человечество и за его дальнейшую судьбу – тоже. При обмене ядерными ударами, спровоцированными безумцами, не выживет никто. Победителей не будет.

– Прежде всего, господа, хочу предупредить всех о том, что все, что здесь будет сказано и вами услышано, является государственной тайной и не может быть разглашено ни при каких обстоятельствах. Каждый должен понимать, какую ответственность принимаем на себя мы все. Обет вечного молчания – вот наиболее точное определение того, что мы должны принять на

себя. Если кто-то не готов к этому, если кто-то не уверен в себе, тот может сейчас встать и выйти из-за этого стола, и никто его не осудит ни сейчас, ни в будущем. Итак, господа?

Все остались на своих местах, только пожилой человек, в плохо сидящем, обсыпанном пеплом костюме, в очках с толстыми линзами, нервно сглотнул слюну.

– Хорошо. В таком случае давайте представимся друг другу. Некоторые из нас незнакомы, а это недопустимо. Начнем с вас, сударь.

Невысокий человек, одетый в военную форму без наград, погон и знаков различия, довольно молодой, но уже с сединой в волосах встал со своего места.

– Генерал от авиации Вавилов Константин Юрьевич, командование специальных операций, командующий.

– Спасибо, генерал, дальше.

Хорошо всем известный человек, среднего роста, начавший лысеть.

– Путилов Владимир Владимирович, Третье отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Третий – высокий, худощавый, с татарской короткой бородкой, без усов, с пристальным, липким взглядом.

– Тайный советник Ахметов Фикрет Факирович, несменяемый товарищ министра внутренних дел.

Тот самый профессор – он вскочил на ноги, словно боялся опоздать.

– Доктор физики, глава кафедры ядерной физики Санкт-Петербургского университета, профессор Вахрамеев Владимир Витольдович.

В голосе ученого слышалось такое волнение, что счел необходимым вмешаться государь.

– Спокойнее, Владимир Витольдович, спокойнее. Здесь все свои, и мы делаем одно дело. Ваш вклад не менее важен, чем вклад, который вносим мы все. Присядьте и успокойтесь.

– Благодарю, Ваше Величество...

Не было никого от ГРУ. ГРУ было ослаблено и находилось в опале. По моему мнению – напрасно, виновны всегда отдельные люди, но не ведомство в целом.

– Генрих Григорьевич Вольке, генерал-полковник, начальник штаба ракетных войск стратегического назначения, – представился, не вставая, немец, сидевший рядом со мной и писавший что-то в блокноте. Я умудрился заглянуть мельком в блокнот и с удивлением увидел, что мой сосед решает какой-то шахматный дебют, расписывает ходы.

Настало и мое время. И что мне говорить?

– Александр Воронцов, контр-адмирал Российского Флота.

Надеюсь, звание у меня не забрали, в принципе и не могли забрать, это не так-то просто.

Государь поднял руку, требуя тишины.

– Высочайшим повелением, с сего дня контр-адмирал Воронцов назначается министром без портфеля моего кабинета и координатором оперативной деятельности всех специальных служб. Такова моя воля, господа!

Молчание. Стремительно белеющее лицо действительного тайного советника Путилова – вот он-то как раз не ожидал. Любопытствующий взгляд профессора – он тоже заметил и сейчас переводит взор с меня на Путилова, стремясь понять, что происходит. Скрип карандаша Вольке – ему до этого нет никакого дела, он придумывает ходы на шахматной доске, чтобы изначально, уже в дебюте, поставить противника в заведомо проигрышное положение. И все бы ничего – да только в проигрышном положении оказываемся сейчас мы. Нам сейчас надо рассчитывать не на то, чтобы выиграть эту партию, господин Вольке, нам надо просто ее не проиграть.

– Ваше Величество? – официально обратился я к Николаю.

– Князь?

– Нижайше прошу простить меня, но я не могу принять это назначение, по крайней мере, до завершения операции.

– Почему же? – По голосу Николая не было понятно, раздражен он или просто удивлен. – В моей воле было назначить вас на эту должность, и я сделал это, считая, что так будет лучше для России, и вы самый достойный кандидат из всех мне известных.

– Ваше Величество, я полагаю, мне следует принять более активное участие в операции, чем это виделось раньше. При этом мне придется находиться за пределами России, во враждебном окружении, и исполнять возложенные на меня Вашим назначением обязанности я не смогу.

Теперь Николай был точно удивлен.

– Вы полагаете, что вам непременно следует лично принимать участие в происходящем? Исполнить работу могут и другие.

– Ваше Величество, увы. Никто другой не справится, нам нужны союзники, и у меня есть человек, который может стать таким союзником. Ни с кем другим, кроме меня, на контакт он не пойдет...

– Вы предлагаете назначить другого человека?

– Нет, Ваше Величество. Я полагаю, что собравшихся здесь людей и принимаемых здесь решений вполне хватит для успешной координации действий различных служб в ходе проведения операции «Самум». После ее успешного завершения мы сможем вернуться к вопросу о моем назначении, если вы соизволите к нему вернуться, Ваше Величество. В случае же, если операция закончится провалом, ничего уже не будет иметь значения.

Николай помолчал, обдумывая ситуацию.

– Воля ваша, князь. Приступаем.

Первым открыл папку, лежащую перед ним, тайный советник Путилов.

– Господа, ситуация в Персии до сих пор остается крайне сложной и взрывоопасной. На сей момент специальными поисковыми группами исследован ядерный центр в Исфахане, который, как мы полагаем, был основным объектом, на котором, при попустительстве и прямом содействии некоторых должностных лиц из Атомэкспорта, аппарата военного советника и Главного разведывательного управления Генерального...

Государь снова поднял руку.

– Не время для выяснения, кто и в чем виноват, Владимир Владимирович. Этим займемся потом, сейчас главное – исправить то, что произошло. Продолжайте по фактам.

– Да, Ваше Величество. При обследовании территории ядерного центра было установлено, что общая мощность станции занижалась, подписанный приемо-сдаточный акт не соответствовал действительности. Один из реакторов станции частично работал на центр по обогащению урана, расположенный прямо на территории станции, в подземных укреплениях. Эта работа велась совершенно незаконно, при работе этого цеха нарушались все мыслимые нормы безопасности. Сейчас группа военных инженеров обследует всю станцию, решается вопрос о том, может ли она работать в дальнейшем.

– Что, все так серьезно? – поинтересовался Император.

– Более чем, Ваше Величество. Персы умудрились разместить подземные объекты чуть ли не под реакторными залами станции, это совершенно недопустимо ни по каким меркам и может привести к обрушению и чудовищной катастрофе со значительным выбросом радиоактивных веществ. Как рабочий вариант предлагается демонтировать установленное в подземных залах оборудование и залить все бетоном, чтобы не осталось пустот в земле. Исходное сырье – уран со значительным содержанием урана-238, как мы полагаем, незаконно поставлялся из Афганистана и обогащался на одной из пятидесяти центрифуг обогащения до чистоты оружейного урана.

Император улыбнулся.

– Владимир Владимирович, я позволил себе немного изучить вопрос. Обогащение урана – процесс сложный, трудо– и энергозатратный. Всего пятьдесят центрифуг? Если верить книгам, нужно больше, по крайней мере, в десять раз.

– Позвольте, я выскажусь, – поднял руку профессор Вахрамеев и, не ожидая разрешения, продолжил: – Ваше Величество, в книгах дается общая информация, не учитывающая специфики. Я лично побывал на этом подземном объекте. Там стоят новейшие, сверхскоростные центрифуги, продавать которые строжайше запрещено, и тем не менее они там стоят. Их особенность в том, что для вращения используется магнитное поле, и поэтому процесс разделения урана на таких центрифугах проходит максимально быстро, требуя в пять раз меньше энергии, чем обычная центрифуга. Только благодаря таким энергосберегающим центрифугам мы конкурентоспособны на мировом рынке продаж, обогащения и очистки реакторного топлива. Второй фактор – это исходное сырье из Афганистана. Ваше Величество, Афганистан – единственная страна в мире, где есть залежи обогащенного урана, чья степень обогащения уже после извлечения из земли равна трем и даже пяти процентам. Обычный желтый кек¹⁹, который имеется на рынке, имеет степень обогащения от 0,5 до 0,8 процентов. Использование афганского желтого кека и наших сверхсовременных обогатительных центрифуг позволило сократить время процесса и трудоемкость, по меньшей мере, в тридцать раз.

– Как же они достали афганский э... – с любопытством спросил Николай, – что, британцы это так просто продают?!

– Нет, Ваше Величество, – ответил Вахрамеев, – британцы никому не продают желтый кек с афганских месторождений. Только благодаря ему им до сих пор удается при падающей добыче нефти и газа сохранять энергоэффективность и довольно низкую себестоимость электроэнергии. Их военная ядерная программа, как и наша, давно базируется на плутонии, а не на уране, и поэтому весь свой желтый кек они перерабатывают в таблетки окиси-закиси урана и используют на своих объектах атомной генерации. Я просто не представляю, каким образом можно получить желтый кек с афганских месторождений без ведома британского правительства.

– Зато мы представляем, – мрачно произнес Путилов. – Шахиншах Мохаммед просто продан британцам и получил за это в качестве платы ту желтую дрянь, которая была ему очень нужна. Нужна, чтобы превратиться из просто маньяка – в атомного маньяка, приставить нож к горлу всего человечества.

– Какой интерес во всем в этом был у британцев? – поинтересовался Ахметов.

– Самый простой, господин советник! Я не знаю точно, где искать ушедшие из Персии неизвестно куда подпольно изготовленные ядерные заряды, но точно знаю, где их искать смысла нет! Ни в Лондоне, ни в Дели, ни в Сиднее, ни в Торонто их нет!

– Что?!

– Фикрет Факирович! – сказал Государь. – Эту тему мы еще обсудим. Давайте не будем забегать вперед. Владимир Владимирович, вы считаете, что больше подпольных мощностей по обогащению урана в Персии нет?

– Я считаю, что они есть, Ваше Величество. Точно такой же подземный завод обнаружили под Тегераном, сейчас специальная группа специалистов РВСН и гражданских физиков-ядерщиков проводит сплошную проверку всех более-менее подозрительных объектов, на которых имеются энергомощности, достаточные для обеспечения процесса.

– Так точно, – не отрываясь от своих умственных упражнений, подтвердил Вольке.

– Хорошо, – согласился Император, – как по-вашему, сколько может быть таких тайных заводов, о которых мы ничего не знаем?

---

¹⁹ Желтый кек – урановая руда.

– Их может быть сколько угодно, Ваше Величество, – ответил Путилов. – Работа по Персии и Польше, по сути, завалена. За внутренние дела отвечают МВД и Третье отделение, за внешние – ГРУ и отдел специальной документации. Польша и Персия оказались в подвешенном состоянии, поэтому и произошло то, что произошло.

– Это уже исправлено, – устало произнес молодой Государь. – И Польша, и Персия являются русскими землями, на них живет много русских людей и еще больше людей желали бы жить в стране, где есть порядок и достаток. То есть – в России. Те ошибки, что допустили еще наши деды, мы исправим и не допустим больше; там, где поднялся русский флаг, он не будет никогда спущен, и я об этом прямо заявил. Продолжайте.

Про себя Николай подумал, что главу Третьего отделения придется менять. Пока не на кого, да и опасно менять коней на переправе, но все равно о замене следовало подумать. Когда человек, даже в такой ситуации, когда у всех над головами висит топор, то и дело срывается на то, чтобы обвинить кого-то в чем-то... Когда человек не может сдержаться и делает это, даже если Самодержец прямо сказал, что с виновными разбираться будет потом... Этот человек всегда будет оказывать деструктивное воздействие на общее дело и на команду людей, его выполняющих. Он идеально бы вписался в североамериканскую систему власти, где повсюду действует система сдержек и противовесов, но в Российской Империи такого быть не может. Страна постоянно должна двигаться вперед, она слишком велика, чтобы стоять на месте – и такие люди станут тормозить движение.

– Окончательно удалось установить, Ваше Величество, что весь оружейный уран, полученный на подпольных установках по обогащению, свозился в одно место, а именно – в сильно защищенный подземный ядерный центр в Натанце. Это был замаскированный ядерный центр военного назначения, никакие работы по гражданской тематике там не велись. Центр был защищен с земли и с воздуха, там имелась очень сильная, многоэшелонированная система ПВО, прорвать которую удалось со значительными потерями. С еще большими потерями удалось захватить подземную часть комплекса, при штурме часть оборудования была выведена из строя, не удалось избежать радиационного заражения местности, но поскольку объект расположен на удалении от...

– Владимир Владимирович, короче, пожалуйста.

– Нашими специалистами были обнаружены пять готовых ядерных взрывных устройств. Сейчас они вывезены в Дубну, наши специалисты их изучают, об этом подробнее скажет профессор Вахрамеев. Объект в настоящее время полностью под нашим контролем, проводится дезактивация местности.

Император кивком головы поблагодарил за доклад.

– Профессор, вы готовы нам что-то сказать.

– Возможно, господа... – профессор говорил совсем по-граждански, неопределенно, что военных сильно раздражало, – про объект в Исфахане Владимир Владимирович уже рассказал, не буду повторяться. Объект в Натанце. Там сейчас есть выбросы радиации, мероприятия по дезактивации силами военных, конечно, ведутся, но... несколько пятен с опасным для здоровья фоном пока остаются, и это печально. Военной спецгруппой обнаружены и вывезены пять готовых к применению изделий, два изделия на стадии сборки, в том числе одно – с загруженным веществом, примерно двести килограммов готового вещества оружейной чистоты. Еще примерно три-пять килограммов вещества уничтожено, собственно говоря, из-за этого и предпринимаются меры по дезактивации территории. Но не только. Вчера я вел подобное совещание в Дубне, мы рассмотрели карту радиационного заражения местности, сделанную военными, и данные по самым последним промерам радиации. Мы считаем, что там было что-то еще.

– Что же?

– Картина радиоактивного загрязнения не соответствует тем материалам, которые там находились. Даже обогащенный до оружейной чистоты уран такого загрязнения не даст. Мы считаем, что там, на объекте, могли храниться незаконно туда доставленные топливные сборки, отработавшие свой срок в реакторе и поэтому крайне радиоактивные. Есть там и следы графита. На объекте пока работают только роботы, мы смотрели данные оперативной съемки и считаем, что нам повезло. Даже очень. Основное хранилище радиоактивных материалов выдержало взрыв и осталось герметичным, наружу выбросило только то, что было в сборочном цехе. Если бы нарушилась целостность основного хранилища – скорее всего, пришлось бы эвакуировать Багдад, Баку и Константинополь – таким был бы радиус заражения местности.

Государь попытался себе это представить – и не смог. Это просто не укладывалось в голове, на каком краю пропасти они стояли и продолжают стоять сейчас.

– Хранилище вскрывали?

– Нет, Ваше Величество, и не будем этого делать до тех пор, пока не завершатся работы по дезактивации. Возможно, мы вообще не станем вскрывать это хранилище, а просто проведем зондирование и запечатаем его навсегда. Возможно, придется строить что-то типа укрытия от радиации и постоянно охранять его солдатами.

– Профессор, я полагаю, что там готовили грязные бомбы? – спросил я.

– Именно, сударь, именно! – просиял профессор. – Вы понимаете, что это такое.

– Я имел дело с терроризмом, думаю, что и господа Путилов и Ахметов понимают, что такое грязная бомба. Бомба, которая при взрыве разбрасывает мельчайшие частицы сильно-радиоактивного вещества, делающего пораженную местность негодной для жизни на годы.

– На десятилетия, сударь! На десятилетия! Вы должны знать, что у ядерного оружия есть несколько поражающих факторов, из них основной – ударная волна. На проникающую радиацию приходится примерно десять процентов от суммарного веса поражающих факторов ядерного взрыва, а радиоактивное загрязнение местности и его продолжительность вообще учитываются слабо, хотя за последние годы мы сделали огромный шаг вперед в создании сверхчистых ядерных боеприпасов. Но это – оружие богатых, а «грязная бомба» – оружие бедных. У нее совсем другое предназначение. В то время как великие державы воюют за территорию и территорию, загрязненную долгоживущими изотопами, им просто не нужна – террористам и мстителям нужна именно такая территория. Зоны отчуждения. Хаос. Непригодная для жизни земля, зараженная навеки, – вот что нужно этим выродкам!

– Профессор, вы хотите сказать, что нам придется иметь дело не только с кустарно изготовленными ядерными боеприпасами, но и с грязными бомбами?

– Я думаю, что нет, сударь.

– Почему же? – заинтересовался и Император.

– Видите ли, господа... В отличие от обычного ядерного боеприпаса, «грязную бомбу» очень сложно утаить. Она излучает радиацию даже в спокойном состоянии, причем фон будет такой, что его невозможно скрыть, и он опасен для здоровья. Для обнаружения такой бомбы достаточно даже армейских систем дистанционного зондирования местности, а обычный дозиметр рядом с такой бомбой просто взбесится. Ее слишком легко обнаружить, вот почему до сих пор не зарегистрировано ни одного успешного террористического акта с подобного рода бомбами.

– Сплюньте, – недовольно произнес генерал Вавилов, – еще накликаете...

– Мы немного уклонились от темы. Профессор, что еще вы хотите нам сказать?

– Да, господа. Наша научная группа, изучив все предоставленные нам материалы, считает, что на указанном заводе было изготовлено, помимо тех, что были там изъяты, еще от двух до пяти ядерных взрывных устройств.

Новость для нас не была неожиданной – в сущности, мы все уже предполагали, что произошло нечто подобное. Но все равно, не знаю, как у других, но у меня пробежал по спине холодок.

– На чем основываются ваши предположения, профессор?

– Мы проанализировали, по имеющимся данным, мощность сборочного завода, количество изготовленного обогащенного до оружейной чистоты изотопа урана, мощность обогатительных установок...

– Но мы же не знаем, сколько еще может быть таких установок!

– Поэтому столь неточна цифра. От двух до пяти – но, как минимум, два устройства мы не смогли найти, исходя из тех данных, что у нас были.

– То есть, после установления точного местонахождения и мощности других обогатительных заводов, эта цифра может и вырасти?!

– Может, Ваше Величество.

В бункере повисла тишина – все переваривали новость и пытались представить, сколько еще бесхозных ядерных устройств могло разойтись по планете и в чьи руки они могли попасть. Желающих было немало, увы, новый век не принес ничего, кроме обострения существующих проблем и появления новых. Наркомафиози, анархисты, исламские радикалы. Террористические акты 9/10 в Североамериканских соединенных штатах были памяты всем, а рана, которую нанесли нам на днях, все еще кровоточила. Но это все, все то, что мы считаем воплощением ада на земле, – детская забава по сравнению с тем, что будет, если в руках террористов появится ядерное оружие.

– Советник Ахметов, что делается для обеспечения безопасности Империи?

– Многое, Ваше Величество. На всей территории страны реализуется план «Поиск», введен усиленный режим досмотра грузов на пограничных постах. Ограничены полеты авиации, все это мотивируется необходимостью усиления мер безопасности после произошедших недавно террористических актов. Задействованы армейские системы сканирования местности на предмет радиационной, химической и биологической угроз, во всех крупных городах полиция переведена на усиленный режим несения службы, привлекаются подразделения казаков. Записано обращение к населению страны о необходимости усиления бдительности. Все ручные дозиметры, какие только есть на армейских складах, изъяты и сейчас выдаются личному составу полиции и казачьих сотен, проводится обучение по их использованию. Готовится закупка современных дозиметров за рубежом, мы сейчас скупаем все дозиметры, какие только можно найти на свободном рынке.

– Профессор, этих мер достаточно?

Профессор раздражающе неопределенно пожал плечами:

– Возможно, Ваше Величество. А возможно, и нет. Все зависит от удачливости – может быть, кто-то с дозиметром и пройдет рядом с местом закладки. Но есть еще одно обстоятельство, осложняющее поиск, Ваше Величество. Помимо самих устройств мы нашли на видеозаписях еще кое-что, что нас сильно озадачило. Пришлось даже попросить находящихся в Натанце военных инженеров послать робот на исследования. Мы считаем, что изготовленные в Натанце ядерные взрывные устройства для транспортировки грузились в герметичные контейнеры, выложенные изнутри толстым слоем специального материала, включающего в себя свинец, для обеспечения безопасности транспортировки и невозможности обнаружения ядерного устройства системами сканирования. Сам по себе контейнер выглядит снаружи как стандартный морской двадцатифутовый. По нашим предположениям, он способен защищать устройство и обеспечивать невозможность утечки радиации в течение, как минимум, пяти лет.

– Разрешите, Ваше Величество? – привстал с места Ахметов.

– Прошу.

– Специальная группа департамента полиции в настоящее время проводит проверку всех подрядчиков, работающих на Атомстрой и занимающихся проблемами обеспечения безопасности транспортировки опасных грузов. Также мы проверяем бухгалтерию самого Атомстроя. Мы считаем, что эти контейнеры были заказаны и оплачены вполне легально специально для транспортировки опасных отходов. Есть возможность, что они были заказаны отдельной партией, поскольку заказ нестандартный. Если мы найдем эти данные, то сможем узнать, сколько всего контейнеров было заказано и сколько из них отсутствует. Таким образом, мы сумеем установить, сколько именно ядерных взрывных устройств нам не удалось перехватить, и будем иметь зацепки для дальнейших поисков.

– Хорошо. Имеете что-то сказать, сударь?

Государь повернулся ко мне.

– Да, Ваше Величество. Я считаю, что опасность нам грозит совсем не оттуда, откуда мы предполагаем.

Путилов и Ахметов недоуменно переглянулись.

– Поясните.

– Я считаю, что вся эта операция ведется под прямым контролем Британской секретной разведывательной службы и основной ее целью являются Североамериканские соединенные штаты. Британцы, как всегда, собираются воевать чужими руками, они хотят сделать так, чтобы Североамериканские соединенные штаты напали на нас, а мы – на них. Под их контролем, правда, опосредованным, находился и шахиншах Хосейни, они знали и о подпольных фабриках по обогащению урана, и об изготовлении ядерных взрывных устройств. Я считаю, что именно они подкинули шахиншаху идею о доставке ядерных устройств на территорию противника. Покойный шахиншах не был террористом, он был политическим деятелем с экстремистскими взглядами, он примерял на себя роль вождя всех мусульман и вышедшего из сокрытия двенадцатого пророка. Он понимал, что даже если он изготовит ядерные взрывные устройства, у него не будет современных средств доставки, и он не сможет их тайно получить. Тогда-то он, видимо, и решил доставить устройства в страны, которые он считал вероятными противниками, заблаговременно, чтобы потом иметь возможность шантажировать и угрожать. В эту картину хорошо вписываются и вскрытые лаборатории по экспериментам над сознанием – шахиншаху нужны были преданные агенты. Такие, которые по получении условного сигнала, не колеблясь, взорвут ядерные заряды, даже понимая, что при этом не уцелеть и им самим. Я уверен, что одно или несколько устройств находятся на территории нашей страны – но время у нас еще есть, поскольку они не готовы к немедленному подрыву, ибо сейчас некому отдать соответствующий приказ. А вот те устройства, что были ввезены на территорию Североамериканских соединенных штатов, наверняка под контролем британской агентуры и будут взорваны в самое ближайшее время.

Николай, ни слова не говоря, обвел взглядом стол, приглашая высказываться.

– Ваше Величество, я считаю, что это не более чем домыслы, – на грани допустимого сразу же высказался потерявший осторожность Путилов. – Все эти слова не подкреплены ни единым вещественным доказательством. Что вы предлагаете, сударь, вместо того, чтобы защищать свою страну, защищать чужую?! Для чего шахиншаху понадобилось шантажировать Северную Америку, какой у него там интерес?! Он собирался предъявить ультиматум нам, требуя независимости и вывода наших войск. Возможно, британцы ему помогли бы в этом, даже наверняка помогли бы. Но при чем тут Северная Америка?!

– Сударь, вы слышали о проекте «Пламя»?

– Что еще за проект?!

Я повернулся к Вольке:

– Генрих Григорьевич, вы должны знать...

Вольке покачал головой:

– Они не посмеют. Не те времена. Это страшилка и не более того, таким образом Фолсом пытался сломить нашу волю, и у него ничего не получилось.

– Господин Вольке, мы слушаем вас, поясните, – сказал Николай.

– Хорошо... Это началось в восьмидесятом, как только Фолсом пришел к власти. Вы знаете, Ваше Величество... у нас в РВСН есть специальная лаборатория, занимающаяся психологическими проблемами. Понимаете... когда человек длительное время контактирует с боевыми ядерными зарядами и с их носителями... это не может не вызвать изменений в психике. Я сам сталкивался с этим во время службы – сидишь в бункере контроля старта, над головой метров тридцать, а то и больше... и вдруг тебе кажется, что в комнате мышь. Или изделие с тобой разговаривает. Неприятно и очень опасно. Подрывает готовность к немедленному ответу, только представьте, что получится, если оператор контроля старта сойдет с ума. Так вот – эти же ученые, которые нам помогали, проанализировали психическое состояние Фолсома – разумеется, дистанционно, вызвать его на психологический осмотр было нереально, – и заключили, что Фолсом психически неуравновешенный человек с зачатками мании преследования. Кроме того, нам уже тогда было достоверно известно, что Фолсом принадлежит к раскольнической секте «христиан последнего дня» и вполне допускает возможность ядерной конфронтации.

В восемьдесят втором мы узнали о проекте «Пламя». Это затеяли несколько человек в окружении Фолсома, такие же раскольники и фанатики, скорее всего к проработке вопроса подключили и РЭНД – корпорацию. Суть проекта заключалась в кардинальном изменении приоритетности целей для ядерного удара. Классическая схема распределения целей выглядит так: целями первого приоритета являются шахты баллистических ракет, аэродромы стратегической авиации, порты, где базируется флот. Оно и понятно – необходимо максимально снизить возможности противника по ведению боевых действий и по нанесению ответного удара. Только целями второго уровня являются гражданские объекты, причем среди них приоритет отдается не городам, а опять-таки плотинам ГЭС, крупным территориально-производственным комплексам и тому подобным объектам. Те, кто разработал проект «Пламя», изменили приоритетность целей. Теперь основными целями стали все крупные города. Фолсом и его люди заявили нам, что в случае, если на территории САСШ взорвется хотя бы один ядерный заряд, они сожгут наши города. Они знали, что в ответ мы сожжем их страну, что мощности неподдавленных средств ответного удара хватит, чтобы сжечь весь мир и привести к концу человеческую цивилизацию. Они знали о теории ядерной зимы, но им было все равно, поскольку они были фанатиками, искренне верящими в то, что Страшный суд – это не что иное, как ядерная катастрофа. Но ваш отец, Ваше Величество, узнав об этом плане, не сломался и не запросил пощады. Мы максимально ускорили работы по созданию высокоскоростных средств доставки, а также замаскированных платформ-носителей. В восемьдесят третьем на рельсы встал первый БЖРК – боевой железнодорожный ракетный комплекс, который на вид почти не отличишь от обычного поезда. В восемьдесят шестом был проведен первый пуск БРВБ – баллистической ракеты воздушного базирования, запускаемой из контейнера, сбрасываемого с обычного транспортного самолета, не обязательно даже военного. В девяносто втором состоялся первый успешный запуск «Метеорита» – гиперзвуковой крылатой ракеты воздушного базирования, развивающей в полете скорость в пять звуковых. Мы нацелили несколько таких ракет на Вашингтон и ответили им, что они могут сгореть в ядерном пламени через десять минут после того, как будет принято решение их уничтожить. После этого янки заткнулись и больше никогда не заговаривали о проекте «Пламя». Не думаю, что они осмелятся заговорить в таком тоне с нами сейчас.

– Вот теперь как раз и осмелятся, – возразил я. – Во главе Североамериканских соединенных штатов – бывший алкоголик и психопат. Он тоже вовлечен в деятельность какой-то секты, благодаря чему и бросил пить. Не исключено, что это та же самая секта, которая в свое

время пригрела Фолсома, североамериканцы вообще очень уязвимы для таких дьявольских сект. Совсем недавно у них произошли беспрецедентные террористические акты, в Нью-Йорке рухнули башни-близнецы Всемирного торгового центра. После этого Меллон стал еще больше одержим идеей мессианства, он в открытую говорит, что разговаривает с Господом и внимает его советам. Если в стране произойдет ядерный террористический акт, ему придется либо уходить в отставку, либо нажимать кнопку. Что из этого, как думаете, он выберет?

– Почему он будет обвинять в произошедшем нас? – спросил Ахметов. – Североамериканские соединенные штаты ведут войну в Мексике с наркокартелями и анархистами. Каким образом они смогут установить происхождение взорвавшегося ядерного устройства?

– Они уже знают об этом, сударь.

– То есть? – не понял Ахметов.

– Досье на ядерный комплекс в Натанце положили на стол Меллону несколько месяцев назад. И все наши игры, с участием Штанникова и Атомстроля, давно известны как британцам, так и североамериканцам.

И снова наступила тишина. Такая, что было слышно, как падает пылинка на поверхность стола.

– Вы понимаете, о чем говорите, сударь? – тихо спросил Путилов.

– Да, сударь.

– Откуда у вас эта информация?

– Не могу сказать. Все, что я мог сказать, я уже сказал.

– Князь, вам известны правила? – спросил Путилов. – Отказ сообщить источники получения информации для ее перепроверки делает вас подозреваемым в государственной измене. Таковы правила, и не я их устанавливал.

– Я это знаю.

Хлопок ладонью Государя по столу был не слишком громким, но все вздрогнули.

– Господа, – сказал Император, – прошу вас запомнить мои слова и не возвращаться к этому вопросу более. Князь Воронцов – один из немногих людей, которым я доверяю безоговорочно. Безоговорочно! И если он не желает сообщать источник, откуда получена информация, – я уверен, на то есть веская причина. Попросил бы раз и навсегда прекратить охоту на ведьм в нашем кругу и забыть все свои подозрения и злоумышления по отношению друг к другу. Если кто-то не желает подчиниться этим правилам, он может встать и выйти отсюда прямо сейчас.

Молчание. Было слышно, как тикают чьи-то наручные часы. Почему-то Павел Буре делал модели часов с громким ходом, если клиенты не просили иного. Все тайком переглядываются – если честно, на это тошно смотреть. Даже после сказанного каждый ищет ответ в лице другого и безмолвно согласовывает позиции, вместо того чтобы просто сказать то, что думает лично он.

– Господа, продолжаем, – взял на себя ответственность первым высказаться Путилов, – в таком случае, Ваше Высокопревосходительство, как вы сами оцениваете надежность своих тайных источников информации?

– Как среднюю. Эти люди имеют доступ на самый верх. Но у них есть собственные интересы, и они их не скрывают.

– В чем же эти интересы заключаются?

– В скандале. Вы помните, как рухнуло правительство Меллона-отца? То же самое планируется сделать и сейчас – вывесить все грязное белье перед окнами.

Император скривился.

– Увы, но такова политическая система Северной Америки, Ваше Величество. Кто кого подставит.

– Я знаю, – согласился Николай, – не понаслышке. Но все равно – это отвратительно.

– Осмелюсь заметить, Ваше Величество, – сказал Ахметов, – что сейчас не те времена, чтобы следовать заветам вашего пращура, Александра Третьего²⁰. Не мы выдумали эти правила, но мы вынуждены по ним играть.

Наши взгляды встретились, и я понял, что у меня есть, по крайней мере, один союзник в этой комнате. Ахметов, видимо, ведет игру против Путилова, как в свое время играл против него Цакая. Министерство внутренних дел было, как и тогда, против какой-либо координирующей надстройки над спецслужбами, которую строил Путилов.

– Какими силами предлагается работать по североамериканской версии? – спросил Путилов.

– Североамериканскими, – ответил я.

– Поясните.

– Все очень просто. Если мы задействуем свои силы, чего мы добьемся? Мы рассекретим собственную агентуру, уничтожим сеть, над которой работали немало лет. И при этом нас запросто могут обвинить в подрывной деятельности. Гораздо лучше привлечь к делу работников ФБР, СРС или Секретной службы. Они находятся на легальном положении, они имеют право входить в дома, задавать вопросы и производить аресты.

– Но в этом случае нам придется отдать им в руки и устройство, и террористов!

– А нам они нужны? Пусть судят.

В своем кресле пошевелился Ахметов.

– Господин Воронцов... Стоит ли так понимать, что вы готовы взять на себя североамериканскую миссию?

– Вы совершенно правы, сударь. Именно так.

– Но вы же не специалист по этому региону. Вы никого там не знаете.

– Именно поэтому я и собираюсь взять это на себя. Как бы меня ни спрашивали, я не смогу выдать агентурные сети в Северной Америке просто потому, что не знаю их.

– А как быть с тем... – не отставал Ахметов, – что у меня лежит запрос от британской стороны по вашему аресту, князь, и экстрадиции на территорию Соединенного королевства по обвинению в терроризме и убийствах? Здесь-то я могу сказать, что не знаю никакого... Кросса, а как поступят Североамериканские соединенные штаты? У них с Британской империей есть договор об экстрадиции.

– Господин Ахметов... Я полагаюсь на две вещи. Даже три. Первая – дипломатический паспорт. Вторая – мои навыки. И третья – одна очаровательная дама, которой я в свое время оказал немалую услугу.

Открыв свою папку, я выложил на стол фотографию, которая была сделана примерно шесть месяцев назад. Более свежей у меня не было. Подтолкнул ее Государю... черт, как непривычно осознавать, что твой товарищ по детским играм теперь Государь всея Руси. Николай с интересом всмотрелся, многозначительно хмыкнул и передал дальше.

– Эту информацию я сообщаю вам, чтобы вы знали, с чего начинать мои поиски, если я вдруг не выйду на связь. Это Марианна Эрнандес. Гражданка САСШ. Работала в Секретной службе, при предыдущей администрации была руководителем группы охраны Президента. Затем, после смены власти, ушла из Секретной службы, работала какое-то время в ФБР, занималась трансграничной организованной преступностью. В настоящее время работает во вновь созданном Министерстве безопасности Родины, резидент в Сальвадоре. Отслеживает активность анархистских группировок, их контакты с силами наркомафии, маршруты доставки кокаина в Штаты, консультирует местные силы безопасности. У нее есть контакты и друзья сразу в нескольких спецслужбах, она лично знает меня и понимает – не всему, что говорят по телевизору, следует верить. Думаю, она мне поможет.

---

²⁰ Александр Третий любил повторять: «Доносчику – первый кнут».

– Она вас сдаст, – задумчиво произнес Ахметов. – Я бы на ее месте сдал, если тут нет никаких... особых обстоятельств.

Последний намек я проигнорировал.

– Дипломатический паспорт на свое настоящее имя у меня есть, вымышленными я пользоваться не собираюсь. Время играть в открытую. Связь буду держать по тому же каналу, который установили мне вы, Владимир Владимирович. Как вы считаете, он не скомпрометирован?

Путилов покачал головой. Он был профессионалом и оставался им до тех пор, пока не решал поиграть в бюрократические игры. Подтолкни падающего, пни упавшего. Мерзость.

– Не думаю, сударь. В крайнем случае, можете обратиться в посольство, мы предупредим все посольства региона. Там связь, которую невозможно перехватить. А вы не задумывались, что британцы могут вас просто убрать? Вы играли с ними без правил – почему вы ожидаете, что они будут соблюдать правила сейчас?

– В таком случае – прошу считать меня погибшим в бою.

– Скверные слова, – подытожил Государь.

22 августа 2002 года

Буэнос-Айрес, Аргентина

Посольство Российской Империи

Город Сан-Сальвадор...

История этого города, в котором в начале века жили сто тысяч жителей, а к концу – полтора миллиона, и история всей Центральной Америки – они неотделимы друг от друга. Ужас, который мы испытываем, включая телевизор и узнавая новости из региона, новости о взрывах в городах, о расстрелянных монахинях и массовых повешениях на площадях, – все это кажется дикостью и безумием только для нас, жителей просвещенной Европы, которые, однако, в один день Бородинского сражения в Первой Отечественной, положили едва ли не столько же, сколько во всех войнах в Латинской Америке, вместе взятых. Просто люди там живут совсем по-другому. История у них другая. Чтобы понять латиноамериканцев, нужно хотя бы почитать биографии их освободителей: Симона Боливара, Миранды, Сан-Мартина, О’Хиггинса, Итурбиде. Тогда что-то можно уяснить...

В двадцатом веке Латинская Америка была принесена в жертву. Основная геополитическая игра развернулась в Европе и на Востоке, затронула Африку, карту мира перекроили настолько, что вряд ли кто-то, живя году в пятнадцатом, мог себе представить политическую карту мира тридцатого года. Выпавшая из игры Франция, оставшаяся только в своих африканских колониях, территориальные приобретения Германии на западе и в Африке, на которые она не рассчитывала даже в самых смелых своих притязаниях. Наконец, полная капитуляция Османской империи перед Российской, занятие русскими войсками Константинополя – все эти героические и страшные события, происходившие на очень коротком историческом отрезке, не оставили Латинской Америке места в летописях.

Боевые действия на Кубе и в Мексике, происходившие в период с 1899 по 1921 год, ознаменовали практическую реализацию доктрины американского госсекретаря Монро, провозглашавшей весь Новый Свет зоной интересов только одной страны – Североамериканских соединенных штатов. Надо сказать – что Российская Империя помогла Североамериканским соединенным штатам трижды за их историю – и каждый раз эта помощь оказывалась как нельзя кстати. Первый раз – в шестидесятые годы девятнадцатого века. Возможно, именно жесткая позиция России стала тем препятствием, которое не позволило Британии и Франции нанести удар по американскому Северу, защищая интересы Юга, откуда они получали хлопок и с которым вели интенсивный торговый обмен. В десятые-двадцатые, когда ожидание войны на Европейском континенте холодило кровь, именно быстрый и жестокий разгром части британского флота, тяжелое поражение и деморализация армии и всего правящего британского

класса не позволили Британии вмешаться в свару на Южноамериканском континенте и приобрести там себе колонии, хотя Британия не раз озвучивала желание и поддерживала освободительную борьбу южноамериканцев против колониальных войск испанского короля – надо сказать, колониальных войск самого худшего пошиба – именно в расчете на это. А с конца тридцатых до начала пятидесятых именно Антисоциалистический фронт, в который вошли Российская Империя, Священная римская империя германской нации и Австро-венгерская империя, провозгласивший неотвратимость вторжения в любую страну, где победят анархисты, большевики, троцкисты, помог САСШ не только не подхватить заразу большевизма самой, но и выстоять против Мексики, где долгие годы хозяйничали сторонники Троцкого.

Кстати, в те времена мы помогли против коммунизма не только таким образом, но это... отдельная тема для разговора.

На Латиноамериканском континенте, довольно бедном и со стойкими традициями сопротивления, большевистская зараза укоренилась глубоко, и вытравить ее не удавалось никакими силами. Единственная страна, самостоятельно справившаяся с большевизмом и троцкизмом и теперь играющая немалую роль даже в европейских делах, была Аргентина, кусочек Европы на Южноамериканском континенте. Там просто повезло – полковник Перон вмешался раньше, чем стала очевидна насущная необходимость международной помощи. Во всех остальных случаях – похожих друг на друга как две капли воды: правое меньшинство, правительство, армия, буржуазия, полиция, и левые, а то и крайне левые низы – вмешивались Североамериканские соединенные штаты спецслужбами, ФБР, военной помощью, а то и армией. Без этого не обошлась ни одна страна, пришлось вмешиваться даже в Бразилии, одной из крупнейших стран мира. Почти все страны Южной Америки не рекомендовались русским туристам для посещений, а единственное в этом регионе посольство, даже не посольство, а генеральное представительство, было в Буэнос-Айресе, почти европейском городе, где жило немало русских. Во всех остальных странах были либо неофициальные представительства, если работала какая-то крупная русская компания, либо наши интересы представляло посольство какой-либо нейтральной страны, чаще всего датское. Нагрузка, ложившаяся на генеральное представительство в Аргентине, была столь высока, что в нем работали более тысячи дипломатических чинов, обслуживая наши интересы на всем континенте...

В Буэнос-Айресе я прибыл рейсом из Берна, Швейцарская конфедерация, потому что именно отсюда предпочитали начинать свой путь путешественники, желающие сохранить инкогнито и не выслушивать лишних вопросов. Трансконтинентальный «Юнкерс» компании Swiss Air перенес меня через океан со всем почтением, мне даже удалось поспать во время этого долгого перелета. Больше мне не перепадет нормального сна на протяжении долгого, очень долгого времени.

В Буэнос-Айресе, пройдя зеленым коридором как человек, имеющий дипломатический паспорт (настоящий, кстати, выписанный на мою фамилию), я вышел на улицу, застыл в раздумьях – насколько мне было известно, здесь разговаривали на испанском, а по-испански я не знал ничего, кроме *te amo* и *espera, voy a disparar*²¹. Но водители такси сориентировались быстрее меня – оказывается, вторым, почти официальным языком здесь был французский, а русские дворяне французский²² знали не хуже русского. Расплатившись североамериканскими долларами, которые в этой части света имели свободное хождение в любой стране, я назвал русское посольство. Пробившись через поток беспорядочно двигающихся машин, мы выехали на трассу.

---

²¹ Я люблю тебя. Стой, стрелять буду.

²² После разгрома Франции часть французов уехала в Алжир, часть – в Аргентину. В нашем мире по тем же самым причинам в Аргентине распространен немецкий.

Пока ехали до посольства, немного посмотрел город. Город типично европейской архитектуры и застройки, крупнейший порт региона, множество очаровательных женщин – результат многовекового смешения кровей. Автомобилей на улицах полно, движение беспорядочное, все много сигналят, правила соблюдают только тогда, когда смотрит полицейский. Полицейских немного, они на бело-синих машинах и вооружены автоматами, которые находятся не в машине, а на плече, на ремне. Въезжали в город мы через район частных домов, не слишком шикарных, причем все отгорожены от мира заборами из железобетонных плит выше человеческого роста, расписанными граффити. Много рисунков на тему боевых действий, перестрелок – это мне напомнило Белфаст. Есть и надписи. Что значит *militares – assassinos*²³, я разобрался самостоятельно, что такое *queremos tener* – спросил у водителя. Он ответил – мы хотим есть.

Невесело. Напоминает уже Тегеран, только с европейской спецификой. Лава под тонкой коркой – и никогда не знаешь, когда рванет.

Российское посольство в Буэнос-Айресе разделено на две части – представительскую и для посетителей. Представительская находилась у самой набережной, между проспектом Корриентас и авеню Кордоба, в небольшом, тщательно отреставрированном трехэтажном особняке колониального стиля. Здание охраняли казаки и аргентинская полиция. Для посетителей – визовый отдел, отдел содействия, занимающийся продвижением наших товаров в регионе, – в новом районе Президенте Перон, на окраине Буэнос-Айреса, в девятиэтажном офисном здании нового стиля, снизу доверху укрытом зеркальными панелями и с большой, трехэтажной автостоянкой. В МИДе меня, естественно, никто не предупредил, куда именно обращаться, поэтому я потерял целый час, а водитель такси неплохо заработал. Этим обстоятельством он был так доволен, что сунул мне напоследок визитку и по-немецки, как смог, объяснил, что самые лучшие *chicas*²⁴ будут к моим услугам, стоит только вызвать его ближе к вечеру, никакого СПИДа и совсем недорого. Расстались, довольные друг другом, заодно я узнал, откуда пошло в русском языке жуткое слово из новояза – чикса. Оказывается – вот откуда, из испанского.

На входе в посольство дважды проверили документы, первый раз казаки, второй – сотрудники службы безопасности, им я предъявил визитную карточку, которой обзавелся в Санкт-Петербурге. По ней меня немедленно препроводили на девятый этаж. Чтобы подняться на него, рядом с кнопкой в лифте существовала прорезь для ключа, сам этаж целиком занимала Служба специальной документации. Возглавлял ее – ни много ни мало по происхождению ровня мне, князь Вахтанг Асатиани, которому я представлен до того не был.

Князь Асатиани – осанистый, лет пятидесяти, увы, с подозрительного цвета носом (то есть красным), принял меня вполне радушно, первым делом выставил на стол два бокала красного вина «собственного сочинения». Для вежливости отпив немного из одного, дальше я пить отказался. Тут и трезвому-то – дай боже уцелеть...

– Говорили, будто вы вообще погибли, сударь... – Асатиани молодецки допил свой бокал, размером если и не с пивную кружку, то близко к этому, – повторили судьбу господина Грибоедова...

– Не везет русским посланникам в Персии, это верно. Но нет, меня успели вывезти живым. Только подлататься все же пришлось. А что тут у вас происходит? После мятежа *Carapintadas*²⁵ про вас и не слышно ничего.

Князь Асатиани огляделся, прежде чем говорить – хотя кабинет проверяли на подслушивающие устройства каждый день.

---

²³ Военные – убийцы.

²⁴ Девушки.

²⁵ Люди с зелеными лицами, парашютисты и спецназ. В нашем мире в 1988 году предприняли попытку государственного переворота, возглавляемую полковником Мохаммедом Али Сейнеддином, которую так и назвали – мятеж людей с зелеными лицами. В этом мире попытка была поддержана североамериканцами и удалась, в Аргентине установилась террористическая диктатура, наподобие чилийской.

– Потому что некому говорить. На Рио-Гранде из столицы каждую неделю вылетает военно-транспортный самолет. Полный пассажиров. А прилетает – пустой. Около берегов в последнее время стало много касаток и даже акул, они никогда не заплывали в столь холодные воды. Вам понятно?

Да как тут не понять. Собственно, и переворот начался, когда президент с большой глупости решил начать расследование по делам эскадронов смерти, тайных офицерских организаций, которые похищали и убивали людей. Интересно – что страшнее, коммунизм или это? Наверное, все-таки коммунизм...

– А как тут относятся к нам?

– С опаской. Президент вообще-то из арабов, бежавших после того, как мы пришли на Восток, но он стопроцентный католик, фанатичный в вере.

– Нет большего праведника, чем раскаявшийся грешник.

– Вот именно. Они боятся американцев, боятся британцев, особенно после фолклендской кампании²⁶. Больше делают ставку на Священную Римскую империю, но понимают, что если придут германцы, то больше уже никогда не уйдут. Хотя немцев тут и так полно, и в армии, и в... Британия имеет тайные интересы в Бразилии, там работают их инструкторы и немало, а у Аргентины и Бразилии есть чего делить. Поэтому el presidente мечется, а не так давно одна дамочка, ее здесь никто не воспринимает всерьез, подкинула нам идею о том, что в устье Ла Платы найдется место для парочки русских крейсеров.

– Интересная идея.

– Более чем. Но я так понимаю, что ваш интерес направлен не на Аргентину?

– На Аргентину тоже – но из чистого любопытства. Никогда не был в Латинской Америке. Мой интерес направлен на Сальвадор.

Князь Асатиани причмокнул губами.

– Говорите, вы никогда не были в Латинской Америке?

– Совершенно верно, сударь.

– Сальвадор – не лучшее место, чтобы начинать знакомство с ней, поверьте. Нет, господин Воронцов, не лучшее.

– У меня нет выбора. Я намерен там побывать транзитом.

– Одного дня достаточно, чтобы бесследно пропасть.

Я пожал плечами:

– Профессиональный риск.

– Дело ваше. Тогда слушайте. Сальвадор – это страна смерти, страна террора. Если здесь приходят ночью, то там приходят днем, никого не стесняясь. Если здесь людей выбрасывают из транспортного самолета, то там вешают и расстреливают прямо на улицах. Президент Дуарте – подставной, двадцать с лишним лет назад его чуть не убили военные. Он шел к выигрышу на первых своих выборах – за это военные его схватили прямо в студии национального телевидения, отрезали три пальца, раздробили остальные, пытались вырезать глаз. Потом его назначили североамериканцы – никого из военных-мясников ставить главой государства было нельзя. На самом деле – в стране правил и правит генерал Роберто Д'Обюссон, его поддерживает армия. Все они крайне экстремистски настроенные католики, но ярые антикоммунисты, и поэтому никто слова не говорит. Принадлежность к коммунистической партии там – основание для немедленного расстрела, никто даже не проверяет доносы, людей убивают тысячами. В стране идет гражданская война, стреляют средь бела дня на улицах, больше половины территории страны контролируют повстанцы, левые, троцкисты и наркомафиози. Есть пять анти терро-

---

²⁶ Была и в этом мире и закончилась крайне тяжело, британцы потеряли два авианосца и линкор, удары наносились и по самой Аргентине. Все дело было в том, что Аргентину тайно поддерживали САСШ, чтобы выгнать британцев отсюда. Закончилось перемирием под гарантии Антикоммунистического союза.

ристических батальонов, они подготовлены североамериканскими инструкторами и неплохо оснащены – обычно североамериканцы спихивают сюда устаревшую и снятую у них с вооружения дрянь, а в данном случае их снабдили вполне нормально. Но не помогает и это. Три года назад один из этих батальонов попал в засаду на лесной дороге и потерял враз больше тридцати человек. Тогда они вырезали ближайшее к месту засады село, больше четырехсот человек покروшили. Скрыть не смогли. В прошлом году парашютисты прикладами забили до смерти священника, это тоже попало в газеты – но это десятая часть от того, что там происходит на самом деле. Генерал Д’Обюссон лично участвует в допросах, любимый инструмент у него паяльная лампа. Этот генерал – убийца-маньяк, сами североамериканцы неофициально признают это, но сделать ничего не могут. Других военных там нет.

Асатиани так и сказал – убийца-маньяк, вместо обычного маньяк-убийца.

– А почему президент это покрывает?

– Он говорит, что если генерал уйдет, будет еще хуже. Местных военных не остановить, там кровь льется чуть ли не полтора столетия.

– А почему продолжается сопротивление?

– Наркомафия. Вам известен человек по имени Мануэль Альварадо?

– Лично не знаком.

Князь Асатиани улыбнулся, давая понять, что оценил шутку.

– Мануэль Альварадо – некоронованный правитель Центральной Америки, в его армии прямо или косвенно – как минимум, два миллиона бойцов. Североамериканцы ищут его, чтобы убить, от идеи судить его они давно отказались, но найти не могут.

– Чем-то напоминает коллизию с Панчо-Вильей, не находите?

– Есть некоторое сходство, согласен. Но Альварадо опаснее любого Панчо-Вильи. Он провозгласил себя реинкарнацией Боливара-спасителя – и местные, индейцы, бывшие майя, этому верят. Ему верят даже некоторые представители церкви – она здесь тоже расколота и почти не подчиняется Риму. Здесь одни благословляют убийц, другие умирают под ударами штыков и прикладов. Тем более что политические программы у Альварадо и Боливара схожи – создание Югоамериканских соединенных штатов. Их идея такова: если будут созданы ЮАСШ – никто не посмеет больше тронуть простых людей. И люди этому верят.

– А на деле не так?

– Не так. Альварадо хитер. В Бразилии, например, он не воюет против властей, он их поддерживает. В Колумбии, стоило только Верховному суду начать рассматривать дело об экстрадиции нескольких наркобаронов в САСШ для суда, как троцкисты совершили нападение на здание Верховного суда и убили пять судей из двенадцати – это в самом центре миллионного города при исключительных мерах безопасности. Теперь Альварадо там народный герой, освободитель, хотя он всего-то спасал денюжки, которые эти парни были ему должны. Он воюет только против тех властей, кто твердо стоит на стороне САСШ – а Д’Обюссон слишком много должен североамериканцам, он учился в Школе Америк²⁷. Или может быть – он слишком тупой, чтобы переметнуться – возможно, и это. Альварадо собирается строить наркокоммунизм – на этой почве он неплохо снюхался с троцкистами, которым надоела идейная борьба, и взял их под свое крыло. Но он понимает, что в Южной Америке власть можно удержать только на штыках военных. Военные, троцкисты, террористы, наркобароны – вот такая каша здесь творится, милорд.

– Меня интересует конкретный человек в Сальвадоре.

– Кто именно?

– Резидент СРС.

---

²⁷ Школа Америк – существует и в нашем мире. Находится в Форт Беннинг в штате Джорджия, там учат пытать, убивать, подавлять партизанское движение. Немало диктаторов Латинской Америки прошли через эту школу.

Асатиани кивнул, застучал по клавишам ноутбука, запрашивая информацию. Интересоваться, зачем мне резидент СРС в Сальвадоре, не стал.

– Вот... так... Ого. Я должен был помнить ее наизусть, а не запрашивать поиском. Весьма интересная особа, сейчас распечатаем...

– Не стоит. Мне только прочитать.

– Как пожелаете.

Князь подвинул мне ноутбук, я углубился в чтение. Ничего особенного, за исключением того, что, по данным русской дипломатической разведки, Марианну дважды предлагали заменить на кого-то другого, причем инициатива исходила от военных.

– Не разьясните мне некую... коллизию.

– Если смогу.

– Здесь сказано, что эту даму дважды предлагали выслать. С чем это связано?

Князь пожал плечами:

– Всякое бывает. В Сальвадоре главный военный советник считает, что он главнее всех, а посол там – законченный экстремист, его туда сослали, чтобы он не мелькал в Вашингтоне и, не дай бог, не высказался перед объективами телекамер. Но, по идее, это заграница, а значит, главным здесь должен быть резидент СРС, и борьбой с преступностью должен заниматься он. В данном случае – она. Простая дележка полномочий.

– А что еще могло быть?

– Ну... она могла просто не понравиться местным военным. Или наоборот – слишком понравиться, а военные там не привыкли к отказам. Всякое может быть.

То есть – князь Асатиани этого не знал.

– Как туда можно добраться?

– Вы все-таки решились?

– Это мой долг и мое задание.

– Дело ваше. Не берите с собой оружия и будьте крайне осторожны – там могут расстрелять на месте. Туда есть два пути. Первый – арендовать машину и ехать по Каррера панамерикана²⁸, она поддерживается в нормальном состоянии. Второй – самолетом, приземление в аэропорту Кускальтан, дальше на машине. Этот аэропорт находится в тридцати милях от столицы, а в самом Сан-Сальвадоре есть только две посадочные площадки для вертолетов, одна – в районе президентского дворца, другая – у банка Агриколь. Если поспешите в аэропорт – я даже могу дать вам машину, – то попадете как раз к вечернему рейсу «ПанАм» и еще немного перекусить в аэропорту успеете.

– Благодарю, авто не нужно. Только еще немного информации.

Князь покачал головой:

– Дело ваше...

23 августа 2002 года

Сан-Сальвадор, Сальвадор

Колония Алькататль

Резидент Секретной разведывательной службы в республике Сальвадор Марианна Эрнандес вскочила в три часа ночи в холодном поту. Первым делом схватилась за оружие – револьвер калибра 357 лежал у нее под подушкой, так делали любые оперативники в Южной Америке – те, кто хотел жить.

Показалось, что в дом проникли убийцы...

Держа в руках револьвер – это был полноразмерный восьмизарядник с лазерным прицелом, наверное, лучший полноразмерный револьвер в мире, она осторожно, стараясь не нашу-

---

²⁸ Дорога через оба континента в этом мире поддерживается в куда лучшем состоянии, чем в нашем.

меть, встала, сунула ноги в лежащие у кровати тапочки. Потом, держа револьвер наготове, отправилась осматривать квартиру, не включая свет. В квартире было всего две комнаты и небольшая кухня, в ней не было балкона, потому что убийцы не раз и не два заставляли свою жертву врасплох, проникая через балкон. Это могло выглядеть смешно – женщина в пижаме, с револьвером в руках осматривает квартиру, не включая света и двигаясь так, как будто она на тренировке в доме убийств – но это было смешно только для тех, кто не был в Сан-Сальвадоре и не знает, что здесь творится. После провала наступления-89²⁹, когда в уличных боях в Сан-Сальвадоре погибли несколько тысяч человек, а бои шли внутри периметра североамериканского посольства и за этажи отеля «Шератон», где находилась североамериканская резидентура СРС, боевики Фронта национального освобождения объявили о переходе к тактике городского террора, а также о необходимости индивидуального террора против североамериканцев. Хоть у Марианны – стальная дверь, запираемая не на замок, а на засов, отсутствует балкон, а все стекла обклеены специальной пленкой, которая тонирует и повышает пулестойкость, все равно могло случиться все, что угодно. Поэтому револьвер в руках не был лишней предосторожностью. Красная точка, бегущая по темным стенам, заметно дрожала.

В квартире никого не было.

Присев на кухне и положив револьвер на кухонный стол, она налила молока из пакета. Молоко здесь было просто великолепное, если его удавалось достать – боевики расстреливали машины с продовольствием, идущие в сторону столицы. А вот покоя не было...

– Ты полная дура... – сказала она сама себе в пустоту и выпила залпом все молоко.

Снова нахлынуло – вот она сидит с револьвером в руке в три часа ночи на съемной квартире в чужом и враждебном городе, в чужой и враждебной стране. В этой стране ей не рады ни свои, ни чужие – одни считают ее едва ли не коммунисткой, вторые – просто североамериканкой, резидентом спецслужб, подлежащим уничтожению...

А ей-то самой зачем нужна вся эта война?

Все началось с уходом El Presidente – она привычно назвала его по-испански. Уходя, он предложил выйти на выборы своему вице-президенту, многодетному отцу, бывшему военному и вообще в высшей степени положительному человеку. Республиканцы выставили против него Джона Меллона-младшего (сына запачкавшегося Джона Меллона-старшего), бывшего алкоголика (хотя бывших алкоголиков не бывает), человека, который бравировал своей тупостью, развалил собственную нефтяную компанию, любителя смертной казни, повадками схожего со слоном в посудной лавке. Эта кампания, тяжелая и грязная, завершилась совершенно омерзительным образом – в штате Флорида, где губернатором был младший брат претендента, коррумпированный Джек Меллон, начался пересчет голосов. Меллон победил просто каким-то чудом – иногда она считала, что это произошло по воле Сатаны. Победу решили несколько сот голосов – и это при том, что во Флориде, грубо нарушив закон, лишили права голоса, например, заключенных в тюрьмах, которые в большинстве своем поддерживали демократов. Как бы то ни было – скрытый психопат, лично общающийся с богом, встал у руля страны.

Ее, конечно же, выслали – и из Секретной службы, и из страны, она была слишком знаковой фигурой при прежней администрации, чтобы ее оставлять в Вашингтоне. Министерство финансов, которому подчиняется Секретная служба, договорилось с Министерством юстиции, где она раньше работала на ДЕА, и она перешла почти что на прежнюю работу. Почти что – ее засунули сюда, на эту маленькую грязную войну, где человек теряет если не жизнь, то уважение к самому себе и право называться человеком.

Хоть она и была мексиканкой, но все же с полным правом считала себя североамериканкой, а не латиноамериканкой. Здесь же была Латинская Америка во всей ее красе – с мачиз-

---

²⁹ В нашем мире известно как «Сальвадорский тет».

мом³⁰, с немыслимой жестокостью, с набожностью – самые страшные убийцы шли каждую субботу в церковь, причащались, исповедовались. С поклонением футболу, с какой-то беззаботностью, с красивыми женщинами, с рвущейся изо всех щелей веселой музыкой. Чтобы не забыть, как это делается, она ходила в самом начале, пока ее здесь не знали, в Универсиадад д'Эль-Сальвадор, немного послушать музыку и развлечься. Университет был рассадником коммунизма, здесь читали Маркса, Троцкого, русского большевика Ленина, книги передавались друг другу из-под полы. Местная молодежь – в этом-то и было самое страшное – искренне хотела сделать лучше для своей страны и своего народа, они не видели ничего хорошего от североамериканцев, и стоит ли удивляться тому, что они их убивали? Североамериканцев ненавидели даже крестьяне – чтобы прокормить себя, они выращивали коку, потому что кока – это сорняк, она прекрасно растет именно при местном климате и на местной почве, и ничто не дает такого дохода, как кока – а североамериканцы содержали целый флот самолетов-опылителей, которые поливали поля коки гербицидами, а заодно попадало и на поля с другими сельхозкультурами. Полиция и батальоны контргерильи отвечали на теракты чудовищными, немыслимыми для цивилизованных стран зверствами – одну девушку, у которой в сумочке нашли взрывчатку и карманный томик Ленина, распяли на воротах, а томик Ленина прибили гвоздями к груди. Партизаны отвечали не меньшими зверствами – когда в сельской местности упал самолет, спасательная команда не смогла вовремя прибыть из-за сильного тумана, а когда прибыла – обнаружила ужасающую картину. Тех, кто остался в живых – а это был военный рейс, – кастрировали, вешали, одного из офицеров даже четвертовали. Вот так шла эта война...

Нас не надо жалеть, ведь и мы никого не жалели...

Марианна считалась в местном североамериканском посольстве коммунисткой, потому что выступала с «мягкой линией», которой придерживались некоторые североамериканские дипломаты и против которой резко выступали военные, как сальвадорские, так и североамериканские, назначенные советниками. Она считала, что, отвечая на насилие еще более жутким насилием, ничего не добьешься, нужно твердо встать на путь верховенства закона и идти по нему, как бы трудно это ни было. Было необходимо либо распустить скомпрометировавшие себя отряды контргерильи, либо отдать их командиров под суд и показательно наказать, а в дальнейшем не допускать омерзительных расправ. Борьба же с герильей нужно было агентурным проникновением, точечными ликвидациями наиболее известных вожаков и подрывом базы сопротивления. Но это было сложно, дорого, а для военных и непривычно – у них не было проблемы, которую не могла бы решить пулеметная очередь. Не нравились ее предложения и местным военным – для них было совершенно неприемлемым допустить суд над одним из них, это была каста, связанная и спаянная круговой порукой и клятвой, данной на крови собственного народа. Только безусловной поддержкой друг друга они могли держаться в безбрежном море ненависти, окружавшем их. Если бы они допустили суд над контргерильером, они перестали бы быть самими собой...

Марианна вдруг вспомнила Лондон. Венец ее карьеры, пусть данные о нем и скрываются в закрытых архивах Секретной службы. Она предотвратила покушение на El Presidente... и встретила человека, забыть которого, увы, не могла.

Хоть и пыталась...

– Дура ты... – сказала она сама себе, закрыла холодильник и направилась досыпать.

Нормально поспать ей, конечно же, не дали. Звонок прозвенел с самого утра, спросонья она столкнула мерзкий, дребезжащий на туалетном столике аппарат на пол, потом достала, посмотрела на определитель номера. Эстадо Майор, армейская штаб-квартира...

– Я слушаю...

---

³⁰ Machismo – специфическая латиноамериканская культура мужчин, macho. Нечто вроде кодекса чести, никем не прописанного. Верность, честь, непреклонность, жестокость.

– Мисс Эрнандес, это вы?

Марианна узнала звонившего. Армейский майор, прошедший обучение в САСШ на курсах ФБР. Один из немногих ее единомышленников, считающих, что скальпель лучше меча. Delegado из числа военных в спецслужбе – для взаимодействия. Грубую силу вообще применяют только те, кто не видит иного выхода.

– Да, это я, Виктор. Ты думаешь, я сменила ориентацию и это моя подружка?

Майору Рохасу было не до шуток.

– Эль Бухо нашли.

– То есть? – не поняла Марианна.

– Мертвым! – крикнул Роха. – Его нашли мертвым! Сидел в машине в районе Сесилио де Вале, там, где закусочная Энрике, в башке – пуля!

Марианна выпрямилась. Это был удар, которого она не ожидала. Почти год работы по внедрению пошел прахом.

El Vuho³¹ был русским, хотя на родине его ждал ордер на арест и скорее всего смертный приговор за антигосударственную и террористическую деятельность. Он бежал из России с немалыми капиталами, осел в Рио-де-Жанейро, был связан с организованной преступностью, наркомафией и троцкистами. Была доказана его связь с Primero Comando do Capital³², одним из крупнейших бандитских объединений мира, насчитывающим в своих рядах больше ста тысяч боевиков и контролирующим целые городские районы. Его взяли на крючок как раз в Сальвадоре и заставили подписать бумажку о сотрудничестве. Он должен был начать внедрение в террористическую иерархию Сальвадора издалека, и не под легендой, а со своим настоящим прошлым. Но кто-то раскрыл его, прежде чем он успел сделать даже первые шаги.

El Vuho, черт...

– Я выезжаю. Кто там сейчас?

– Пока полиция.

– Хорошо. Еду.

Наскоро одевшись, не успев даже перекусить, но не забыв сунуть в сумочку револьвер, она вихрем промчалась по лестницам дома, где жили в основном североамериканцы и который охранялся, спустилась в гараж. Ее машина – здесь она пересела с «Субурбана» на более короткий «Тахо» – приветственно мигнула фарами.

El Vuho, как же так...

Внедрением El Vuho она занималась сама, о нем никто не ставился в известность, тем более местные. Данные ушли в Лэнгли, там сейчас располагалось СРС, переехав из суматошного, задыхающегося от смога Вашингтона в еловый лес³³. Неужели утечка идет на уровне Центрального аппарата?

Убийство было демонстративным. Если бы его просто убили, то его бы не нашли. Здесь, в Латинской Америке, в каждом крупном городе работали предприятия, растворяющие людей в серной кислоте, нету тела, нету дела. Их услугами пользовались не только местные гангстеры, но и труженики плахи и топора, работающие на государство, когда нужно было что-то надежно скрыть. Если же Бухо оставили убитым в дорогом районе, сидящим в машине, значит, это вызов им всем, в том числе и ей.

Лично.

---

³¹ Филин (*исп.*).

³² Существует и в нашем мире. Высокоорганизованное бандформирование, настолько серьезное, что совершает нападения на целые города – от нескольких сотен до нескольких тысяч человек с автоматическим оружием, на бронемашинах врываются в небольшой город, убивают полицейских и грабят всех, кого можно ограбить в городе. В любом крупном городе Бразилии есть районы, не контролируемые властями вообще, любая попытка полицейских действовать там оканчивается многодневными уличными боями.

³³ В этом мире СРС сидело в казармах ВМФ примерно до восьмидесятых. Но потом переехали.

Рохас не сказал – есть ли на теле следы пыток. Хотя сейчас, если применять электрошок, следов почти не остается. Если есть следы пыток – значит, он сдал куратора, ее саму. Не мог не сдать. El Vuho не из тех, кто стал бы молчать.

На улицах города, сильно разросшегося и суматошного, машин пока было немного и людей тоже – и поэтому «Тахо» проскакивал перекрестки с ходу, иногда раздражаясь густым басом гудка, похожего на корабельный – она сама его поставила, в этой стране от тональности гудка в час пик многое зависело. Она жила не так далеко от места убийства, в колонии (районе) Алькататль, но добираться придется через центр, так удобнее. Ветра в городе не было – здесь почти никогда не бывает ветра, – и только всходящее солнце уже задрапировала мутнеющая вуаль смога. Про экологию здесь мало что знали, и заводы – а Североамериканские соединенные штаты выносили сюда грязные и трудозатратные производства – дымили всюду...

El Vuho, верней, то, что от него осталось, сидел в машине марки «Бьюик», довольно дорогой, припаркованной прямо напротив только открывающегося уличного кафе. Там же стояли несколько полицейских машин, они перемигивались мигалками, но сирены были отключены. Беда уже случилась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.